

ПЕСНЬ

МЯТЕЖНОЙ

ЛЮБВИ

РЕГИНА РАЙЛЬ

16+

Регина Райль

Песнь мятежной любви

«Автор»

2017

Райль Р.

Песнь мятежной любви / Р. Райль — «Автор», 2017

Гордая и непрекаемая Майя не собиралась влюбляться, но любовь не задает вопросов. Когда девушка встречает Родиона на промо-фотосессии для музыкальной группы, то понимает, что пропала. Война с чувствами проигрывается бой за боем, меняя строптивый характер героини на более покладистый.

© Райль Р., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1. Просьба	5
Глава 2. Съёмка	9
Глава 3. Наваждение	13
Глава 4. Чёрный дубовый гроб	16
Глава 5. Концерт	19
Глава 6. Автографы	22
Глава 7. Вечеринка после концерта	26
Глава 8. Становится хуже	31
Глава 9. Кровь	35
Глава 10. Лихорадка без конца	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Регина Райль

Песнь мятежной любви

Глава 1. Просьба

I cannot hide what's on my mind

I feel it burning deep inside

A passion crime to take what's mine

Let us start living for today

Black Veil Brides «Rebel Love Song»

Я терпеть не могла, когда кто-то фоткался с музыкальными инструментами, не умея на них играть, или хотя бы не обучаясь. Позёрство дико меня раздражало. Игры в рок-звезд, откровенные наряды, вызывающие позы, язык на грифе гитары. А на самом деле никакого понятия, что такое лад и как брать аккорды.

Или ещё популярно: разлечься на рояле в дешёвом кружевном белье, свесив ступни на клавиши, что за кощунство! Ради понтов и лайков в «Instagram» фоткайтесь с волынками, гонгами и альпийскими рожками. Абсурд и понты в одном.

Как правило, я безошибочно угадывала, умел ли человек играть на том, с чем фоткался. Не знаю, откуда у меня этот талант, видимо профессиональное, но музыканта чувствуешь. Настоящего композитора и автора лирики, а не малолеток в гаражах и сопляков в переходах. Причём консерваторское образование не обязательно, если музыка – призвание, можно научиться самому, да и людей, готовых за кругленькую сумму передать знания, в достатке.

Музыканта видно по взгляду, по задумчивости и лёгкой меланхолии или по дикому блеску глаз. Это всегда разное и зависит от темперамента, но хороший музыкант – творческая личность, артистичная натура с глубокой душой, пытливым умом и прямыми руками. Как-то так. После общения с множеством музыкантов, среди которых было бессчётное количество «псевдо-» у меня сложилось такое впечатление.

К чему это я? Да к тому, что даже у меня ещё нет фотографии с моей басухой, а её у меня попросили на съёмку для какой-то модели.

Аж трясло, как думала, что мой Стратокастер будет лапать субтильная лохудра двух метров роста без сисек и с радугой макияжа на лице. Позёрство раздражало меня, как я уже говорила, а все эти вспышки фотоаппаратов, вычурные позы, накладные ресницы, стразы, километры ткани, ноги, в туфлях на головокружительной платформе – бесило!

Но Эми просила слёзно и обещала со скидкой подогнать билеты на «Black Oak Coffin», а этих парней я любила, да и отказать обидчивой лучшей подруге сложно – проблем не оберёшься. Но в целом она славная, поэтому я уступила.

После, правда, раз двадцать пожалела, что согласилась.

Заявилась я на фотостудию к двум часам, как было велено. Худощавая, среднего роста Эми встречала на входе. Кончики её коротких синих волос завивались от влажной погоды. Подруга курила и стряхивала пепел в урну тонкими, почти прозрачными пальцами с длинными чёрными ногтями. Вот чему-чему, а её ногтям я всегда завидовала – отрастить длину не позволяли ни гитара, ни фортепиано – эти требовательные ребята не подпускали к себе

с нерегламентированной длиной. Гитара моментально капризничала: слабо прижатые струны дребезжали на ладах. Приходилось ликвидировать недоразумение.

– Опаздываешь, Майя. Привет, – помахала мне Эми.

– Знаю, – буркнула я. – Влад не устает мне об этом напоминать, когда приплетаюсь на полчаса позже, – я откинула длинную чёрную пряжу с лица.

– И часто это случается? – подруга выпустила клуб дыма.

– Каждую репу, – усмехнулась я.

Я настолько хорошо уживалась с собственной несобранностью, что избавиться от неё – всё равно, что лишить себя чего-то важного. На самом деле, пристыжённая Владиславом – вокалистом группы, в которой играла – я каждый раз хотела стать пунктуальнее и обещала исправиться. Однако пыл быстро остывал, и Майя возвращалась к тому, что имела, а отсутствие дисциплины компенсировала бесподобной игрой. Да, скромность украшает, когда нет других украшений.

– Итак, куда идти?

– Наверх, пятая студия, – Эми кивнула на входную дверь, – модель уже ждёт. Я приду, как покурю и позвоню Даше, у неё опять драма.

– Ну, всё! Это надолго! Если вы зацепитесь языками, то часа на два, – я поспешила войти. – Я пошла, а-то мне ещё вечером на днюху.

– Да там от силы пару фоток сделать, не бойсь, не долго, – ответила подруга, когда я скрылась за стеклянной дверью.

– Хорошо, если так, – сказала я, поднимаясь на третий этаж.

Какой номер студии она назвала? Вроде пятая. А вот и жирная цифра на двери.

Толкнув её, я вошла. Все находящиеся в комнате, обернулись. Все без исключения, не лентяй. Не без гордости за свой внешний вид, я усмехнулась.

Диковинка и экзотика: чёрная кожанка с шипами на плечах и локтях, кожаные брюки со шнуровкой по бокам и витиеватой пряжкой на поясе. И испачканными брючинами от колен до низа – вечно забывала подогнуть. Под курткой – чёрная футболка с логотипом группы «Black Oak Coffin»: милая чертовщина, на шее – пара латунных подвесок, ошейник с рядом клёпок, на запястьях – браслеты, на кистях – перчатки с обрезанными пальцами. Не брезговала и пирсингом: по три серёжки в каждой мочке, левое крыло носа и нижняя губа. А с макияжем аккуратна и скромна. Нужно же было соблюдать гармонию.

Итак, порог фотостудии переступила неформалка от корней смоляных волос до металлических цепочек на ботинках-казаках, ещё и с басухой за плечами. Зрелище впечатляло. Во взглядах присутствующих без тени сомнения читалось, что я переборщила, что обилие кожаных шмоток и металла – явный вызов и угроза, пафос и кичливость.

«Зачем столько, она что рок-звезда или секс-символ»? – так и застыло в глазах двух ассистентов фотографа, ставящих свет, девушки-гримёра, замершей с кисточкой для макияжа, нескольких людей у окна и двух девиц за компом.

Фотограф же оглядел меня с восхищением и отложил камеру. Он выглядел щуплым и скукоженным. Давно начавшая лысеть голова сверкала проплешиной посередине, серая клочковатая борода пушилась, обрамляя лицо, что напомнило мне фотографии старорусских писателей в учебниках литературы. Да, те самые, которым нерадивые ученики пририсовывали ручкой всякие различия. Очки в чёрной оправе съехали на нос узкого худощавого лица. Мужчина был такой прикольный, что я им заинтересовалась и улыбнулась.

– Здравствуйте! Похоже, мы ждём именно вас! – он шагнул навстречу. – Замечательно выглядите. Великолепный стиль, – он оглядел меня с ног до головы, – сами подбирали? Очень в тему!

Я удивилась, услышав подобное от мужчины в возрасте, но его придиричивый взгляд не укорял, и мне польстило, что он оценил мой вкус. Я расправила сутуловатые плечи и ответила максимально вежливо:

– Добрый день. Спасибо за комплимент. Да, подбирала сама. Простите, что задержалась. Я принесла бас-гитару, – я сняла чехол со спины.

– Гитару? – переспросил фотограф, как будто удивлённо. – Прекрасно, не правда ли, Юра? – он обернулся на ассистента, и тот широко улыбнулся. – Сейчас начнём съёмку. Дина, как там модель? – крикнул он в левую дверь.

– Заканчиваем. Пять секунд и готово, – послышался оттуда звонкий женский голос и шипение разбрызгиваемого спрея. Перед глазами сразу представилось что-то пышное и кудрявое, но я придержала коней – вскоре увижу обладательницу причёски своими глазами. Через пять секунд, если верить Дине.

– Закругляйтесь, девушка уже пришла, – поторопил их фотограф.

– Где подождать? – я огляделась. В помещении стоял небольшой диванчик и несколько стульев. – Здесь можно или на улице? Не хочу мешать.

– Что значит – где? – лицо фотографа изумлённо вытянулось. – Вы будете там, ни в каком другом месте ждать не надо, – он указал на подготовленное для съёмки место: задрапированную синей и белой тканью стену и пол, куда направлялось освещение.

– Нет, вы не поняли, – я покачала головой. – Я принесла гитару, как и обещала. Надеюсь, это будет недолго, у меня ещё дела, – зачем-то добавила я.

– Вижу гитару. Это прекрасно дополнит снимки и образы моделей. Не хотите подправить макияж? Лена сейчас всё делает, – фотограф обернулся к гримёру, которая так и стояла с кисточкой в руках. – Да, Леночка?

– Конечно, Леонид Федорович, – охотно отозвалась та, – я здесь для этого, – она услужливо улыбнулась и извлекла откуда-то палетку теней.

– У нас есть Дина чтобы поправить причёску, – продолжил фотограф, пока я без остановки хлопала ресницами. – Но мне нравится то, что вы сделали сами. Можно не терять на это время, если спешите. Ваш внешний вид – превосходный! А недочёты я уже сам подправлю.

– Я чего-то не понимаю, – медленно проговорила я, снова привлекая всеобщее внимание. – Меня просили только принести инструмент. А вы говорите, что собираетесь снимать меня.

Теперь заморгал Леонид Федорович. Он ошарашенно уставился на меня, помолчал, а потом выдал феноменальную фразу:

– То есть вас не предупредили, что вы – тоже модель?

У нас, видимо, началась игра «Удиви меня», или соревнование «Огорошь другого». Сначала я стояла как идиотка и хлопала глазами, потом – он, теперь снова я превращалась в соляной столб с глазами-форточками. Я буду моделью? Эми говорила только про гитару! Ни словом не обмолвилась, что меня будут снимать, вот засранка!

Я вспыхнула оттого, что меня обманули, и готова была выбежать из студии, чтобы заставить её расхлёбывать эту кашу самостоятельно. Но потом до меня дошло, почему она так поступила. Скажи она: «Майя, не хочешь пофоткаться с моей подругой, очень надо». Я бы сказала: «Нет, что за дела, терпеть не могу позёрство!» Поэтому она и затащила меня сюда хитростью. Не зря же не пошла со мной, а осталась покурить. Ну, Эми, с рук тебе это не сойдёт! Дай только до тебя добраться!

– Нет, меня никто не предупреждал, я не собираюсь сниматься, – отозвалась я, и мой голос зазвучал рассерженно и категорично.

– Жаль, что так получилось, – фотограф казался искренне расстроенным. – Я был уверен, что вас предупредят. Увидел вас и сразу подумал – она идеальная модель. То, что нужно! Вы меня поразили, честное слово, я не лукавлю, – поспешил заверить он, видя мой скептичес-

ский взгляд. – Вы нам очень подходите. Может, передумаете? Это не займёт много времени. Мы можем задействовать одну модель, но фотографии с вами двумя будут лучше, ярче. Я уже вижу перед глазами картинку, – он взмахнул руками, словно хотел и мне показать. – Вы стоите с гитарой, в три четверти оборота, опустив голову, длинные волосы свешиваются вниз. Кожаная куртка поблёскивает матовым. Свет от прожекторов падает сверху и слева, холодный, синеватый. Ваш взгляд строгий и серьёзный, но лёгкая полуулыбка делает образ мечтательным и завораживающим.

Он говорил, а я видела себя, стоящую в свете ламп, с гитарой в руках и этой дурацкой улыбкой на губах, «завораживающей» как он сказал. И, чёрт подери, мне понравилось. Умеют же творческие люди описать так, что заслушаешься и ахнешь, почувствовав себя частью прекрасного процесса.

Мне захотелось попробовать. Честно, без вранья! Никогда ничем подобным не занималась, и вдруг захотелось. Да-да, встать туда и пусть снимают.

– Вы нам нужны, – Леонид Федорович умоляюще глянул на меня. – Невозможно быстро найти другую девушку, тем более, когда всё готово, свет поставлен, вторая модель тоже здесь. Если бы вы попробовали... Есть ли шанс вас уговорить? Я подскажу, как встать, как сесть, куда деть руки! И по времени займёт недолго, от силы полчаса. Хотя бы несколько кадров.

Я закусила губу и засомневалась. По определённым причинам мужчине было это важно, и от меня требовалось всего ничего – постоять под вспышками некоторое время. Тем более не придётся изобретать позы, в чём я полный ноль, он скажет, что делать.

Видя, что я размышляю, а, значит, не отказываюсь уже так решительно, Леонид Федорович снова сказал:

– Вы действительно нас выручите, если согласитесь. Очень прошу.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Хорошо, – пожалела дяденьку и дала слабину. Далась мне эта съёмка?

– Леонид Федорович, – раздался женский голос из комнаты слева: – Мы готовы!

Я обернулась, чтобы увидеть выходящего парикмахера – девушку с соломенными волосами в стрижке «каре», баллончиком лака в одной руке и круглой расчёской в другой. Эти атрибуты куда как красноречиво говорили о её профессии.

А следом появилась злосчастная модель. И я тут же раскаялась, что согласилась.

Глава 2. Съёмка

Когда Эми сказала про фотосъёмку, я ни на секунду не задумалась, что модель может не быть девушкой. Поэтому сильно удивилась, увидев высокого и худощавого парня. А что именно он модель, не оставалось сомнений.

Во-первых, больше из комнаты никто не вышел, а во-вторых, он был при параде, готовность к съёмке номер раз. И ещё я поняла, почему Леонид Федорович так хвалил мой внешний вид, что готов был ничего не менять – я и парень выглядели как музыканты одной группы. Да-да, он тоже оделся в рокерском стиле, отчего мои глаза округлились до размера пятирублевой монеты, не меньше.

Чёрная куртка из матовой кожи выглядела стильно и дорого. На лацкане – пара значков, на ногах – лакированные полуботинки. Под куртку парень надел футболку с неровно обрезанным (я бы даже сказала – оторванным) воротом и белым черепом «Misfits» на груди. Брюки с дырами на коленях обтягивали худые ноги, на ремне с патронами болтались металлические брелоки и цепочки.

Броская одежда привлекла моё внимание в первую очередь, но уже по фигуре и отдельным её элементам (спасибо штанам в обтяжку), я поняла, что передо мной парень. Так получилось, что в его лицо я взглянула в последнюю очередь, но, посмотрев, не смогла отвернуться – до того этот чёрт оказался красив.

Кожа безупречная, нежного оттенка, что даже я, да что я – многие девушки позавидовали бы. Парень обладал по-мужски рельефным лицом с правильными чертами, чётко выраженными надбровными дугами и заострёнными скулами. В правом крыле носа красовался пирсинг-кольцо. Невероятно живые, серые с голубым глаза подвели чёрной подводкой, а веки тронули тенями. У меня с тушью такой длины и густоты ресниц не получалось, как у него без этого женского ухищрения. Длинноватые иссиня-чёрные волосы начесали и залакировали. Пряди спускались на лицо, доходя до губ. По бокам шеи субъекта я заметила тёмные узоры татуировок, ныряющие под воротник, но разобрать, что изображено, не смогла.

Парень в свою очередь с удивлением, интересом и некой неосознанной радостью разглядывал меня, и улыбка трогала чуть пухлые губы.

Я с трудом, поразившим меня саму, отвела от него взгляд.

«Ишь напомажен, как есть модель», – подумала я, чувствуя раздражение, но не потому, что он не побрезговал макияжем и укладкой, а, что меня обдурили в очередной раз за сегодня – подсунув парня вместо девушки.

Увидев, что на моём лице отразилось негодование, он недоумённо вскинул бровь.

– Замечательно! – тут же отозвался Леонид Федорович и представил мне парня: – Родион, музыкант для которого мы снимаем промо.

Музыкант? Мои брови поползли вверх. Я посмотрела в его широко распахнутые глаза, подключая талант распознавать в людях творческие начала.

Дружелюбный и открытый взгляд, немного наивный и доверчивый, сразу обозначал в парне характер. Внутренний стержень и природное (или выработанное) обаяние у него имелись. Уверенный, и даже самоуверенный, он знал о своей привлекательности и стоял перед нами в расслабленной позе. Голову держал прямо и игриво смотрел с высоты почти двухметрового роста.

Чутьё подсказывало, что Родион одарён и обладал знаниями в сфере музыки не понаслышке. Он точно сыграл бы, дай ему сейчас отстроенную гитару в руки или выкати фортепиано. А ещё интуиция шепнула, что он не так прост, как казался – сбивала с толку приветливая улыбка. Я подозрительно относилась к излишне оптимистичным людям, а из парня жизне-

любие так и фонтанировало. И мне инстинктивно захотелось оказаться подальше, чтобы не забрызгало.

– Приятно познакомиться, – отозвался Родион низким певучим голосом с небольшой хрипотцой.

Речь внятная и чётко поставленная. Согласные, особенно «р» звенели, слетая с языка. Я подумала, что он вокалист – слишком запоминающимся и особенным голосом он обладал. И поймала себя на том, что мои уголки губ поползли вверх, чтобы вернуть ему улыбку. Конечно, я задавила глупое желание.

– Майя, – бросила я коротко и сердито, после чего подарила парню настороженный взгляд.

Тот моментально осадился и перестал улыбаться. Я заликовала, глупая. Не знаю почему, но ухмылочка Родиона меня раздражала. Зато когда он не улыбался, выглядел устрашающе серьёзно и старше своего возраста. Сейчас я дала бы ему лет двадцать шесть. Но без улыбки его лицо теряло пикантность, становясь обычным.

– Итак, прошу, – Леонид Федорович простёр руку в сторону подготовленного съёмочного места. – Не будем тратить время, Майя спешит.

– Да, конечно, – спохватился Родион и прошествовал мимо, поскрипывая кожей куртки и оставляя за собой шлейф запахов лака для волос, пудры и ещё чего-то приятного.

Когда он проходил, я отметила уверенность и вальяжность походки, а так же красивый профиль лица, хоть сейчас из бумаги вырезай.

– Проходите, Майя, – предложил фотограф. – Давайте сначала сделаем несколько кадров без гитары, согласны?

– Хорошо, – пожала я плечами, отставляя инструмент.

Родион встал под прожекторы. Освещённое ими, его лицо казалось ещё безупречнее. Обувь он не снял, а вот мои уличные боты чистотой не блистали – пришлось разуться.

Леонид Федорович взял камеру. Родион вёл себя раскованно, а я занервничала, чувствуя нарастающую неловкость.

Видимо, фотограф понял это и тут же распорядился, как встать. Надо отдать ему должное, руководил он грамотно, прорабатывал позу до мелочей, вплоть до наклона головы, постановки рук и направленности взгляда. В принципе поза оказалась не напряжная – мы с Родионом стояли спина к спине, я сложила руки на груди, он зацепил пальцы за ремень брюк, головы мы повернули друг к другу, а взгляды направили в противоположные углы.

Первая же вспышка ослепила меня, а после их стало ещё больше. Но спустя какое-то время я абстрагировалась от того, сколько человек смотрели на нас. Ну, стоят двое, фоткаются, что такого? Фотосессия заставила меня лучше понять работу фотографа, моделей и персонала этой сферы. Это действительно труд. Одна лишняя деталь, одно неверное движение – и кадр испорчен. Чтобы добиться идеального снимка, нужно сделать десятки, а модель должна стоять неподвижно. И это только кажется, что поза непринуждённая.

Затем Леонид Федорович поставил нас с Родионом лицом друг к другу, в «три-четверти», так он любил называть постановку полубоком. Мне нужно было смотреть из-под прикрытых век в сторону, а парню – на меня. Не знаю, за каким эффектом гнался фотограф, но он с успехом добился, что моё сердце ускорилося. Волнительно, однако. Я кожей чувствовала этот взгляд, как если бы Родион касался меня.

Я успела подумать: «на что я подписалась» – раз, «мои волосы задевают его лицо» – два, «это нарушение интимного пространства» – три, «я покраснела» – четыре. Чем сильнее я волновалась, тем больше чувствовала неловкость.

Но ббльшим испытанием стал момент, когда нам пришлось смотреть друг на друга. Мысли сразу перепутались, а ноги задрожали. Не знаю, что особенного было во взгляде Родиона, но он словно душу из меня вынул, перетряхнул и засунул взьерошенную обратно.

Спокойно смотреть, как он самым наглым образом приязненно улыбался, было невозможно – хотелось улыбнуться в ответ, что категорически запрещалось и фотографом, и моими внутренними установками.

Улыбка как у бельчонка. Чёрт, даже сравнение выходило милым.

Фотограф выглядел довольным и то и дело восклицал, как хорошо получалось, хвалил нас, чем немало успокаивал меня, потому как я считала, что все шло отвратительно, и была близка к тому, чтобы всё бросить, развернуться и выбежать за дверь, сгорая от стыда.

Но потом я ловила взгляд Родиона, который будто тоже старался меня успокоить, и оставалась ещё на чуть-чуть. Но ни чем не выказывала благодарность – нечего тешить своё самолюбие за мой счёт. Всё-таки я оставалась ужасно скованной и сильно дёргалась оттого, что приходилось быть моделью. Ещё и Родион вгонял меня в трепет. Не нужно было даже касаться, достаточно просто стоять рядом.

А вскоре Леонид Федорович деликатно предложил мне опустить руку на плечо парня. Меня пронзила дикая неуверенность, а раздражение и досада подпёрли с обеих сторон. Я сглотнула и решила: «чёрт с вами». Сделала, как велел фотограф, и взмолилась, чтобы это быстрее закончилось.

Я могла прекратить съёмку в любой момент, но, видя какое удовольствие получал фотограф и как безропотно всё сносил Родион, уговаривала себя потерпеть. Сама же согласилась, отказаться сейчас будет непрофессионально.

Наконец, Леонид Федорович распорядился взять инструменты. Я расчехлила басуху, а Родион – чёрную матовую «стрелу».

Но не успели мы сделать и кадра, как дверь отворилась, и друг за другом вошли три девушки. Три, мать его, грации. Одна высокая, с офигенными каштановыми локонами, другая – длинная и худая как палка, с пышной копной блондинистых волос и миллиардом веснушек. Третьей девушкой оказалась Эми. Она первой увидела меня, и на её лице отразилось неподдельное и всепоглощающее изумление.

– Надо же! – проговорила она. – Мы её ждём, потеряли-обыскались, а она фоткается!

Голова закружилась, в ушах зашумело. Они меня потеряли? Подождите-подождите...

– Майя, что ты тут делаешь? – Эми вышла вперёд и огляделась.

– Как это что? – ответила я. – То, что ты мне и говорила. Я принесла басуху для модели, – я обернулась на Родиона. – И ты не всё сказала мне о съёмке.

– Басуху, да, – подруга растерялась. – Но вот же Нелли, – она указала на блондинистую. – Я для неё просила.

– Ничего не понимаю, – вдруг сказала та деваха, которая зашла первой. Она невежливо отодвинула Эми и прошла к фотографу. – Я – модель, назначенная на промо. Съёмка, что, уже началась? – она окинула меня убийственным взглядом.

Моё сердце рухнуло. Элементы мозаики встряхнулись как в подброшенном вверх калейдоскопе и сложились в целостную картину.

Я посмотрела на Эми и Нелли, для которой просили басуху, на Родиона, который оказался тут в то же время и на ту же тему, на недоумевающего фотографа и на девицу, настоящую заказанную модель. Я не без зависти наблюдала, как грациозно она двигалась, виляя бедрами не откровенно, а женственно и соблазнительно. То, как она откинула волосы на спину, как повела плечом, выказывало в ней профи и личность, знающую себе цену. Родион и она будут смотреться вместе потрясающе. Тот, кто организовал фотосъёмку, знал в этом толк.

Меня что-то болезненно кольнуло в сердце.

– Эми, ты сказала подниматься наверх, в пятую студию! – я сверкнула на подругу гневным взглядом.

– В пятую, но на второй этаж, Майя! – Эми съёжилась.

Теперь ясно.

Я лоханулась, всё перепутала, поставила себя в неловкую ситуацию. Заявилась туда, где по «чудесному» стечению обстоятельств тоже запланировали съёмку, а модель опаздывала. А меня приняли за неё потому, что по имиджу и стилю я подходила Родиону.

Я обернулась. Наверное, на моём лице отразились стыд и замешательство, потому что парень посмотрел на меня с сочувствием, но его взгляд не вызывал жалостливо-щемящего чувства, не усиливал мой позор. Ничего кроме отчаянного понимания не было в его глазах.

– Кажется, произошло недоразумение, – проговорил Леонид Федорович, посмотрев на меня из-под очков.

– Ага, ходячее, – бросила я.

– Моя вина тоже есть, – модель окинула меня снисходительным взглядом, точно простила. – Я опоздала, простите, – она схватила фотографа за руку, привлекая его внимание, а то он так и стоял, обескуражено пялясь на меня.

– Опоздали, да, – как эхо повторил он и снова обернулся ко мне. – Я и подумать не мог... Я думал вы та модель, которую мы ждём. Надо же, совпадение, – он обернулся к Эми, – и у вас пятая студия, и на то же время. Неудобная ситуация получилась, извините.

– Да что вы извиняетесь, – воскликнула я, снимая гитару с плеча. – Это я пришла и сбита всех с толку, – чувствуя, как краснею от душащего стыда, я ушла в тень от света ламп. – Простите. Надеюсь, без обид? Я уже ухожу, – я засунула басуху в чехол и надела обувь под пристальными взглядами всей студии.

Я старалась больше не смотреть ни на кого: ни на Леонида Федоровича, ни на настоящую модель, ни на девчонок, ни на Родиона. Уйти, свалить поскорей!

– Я пойду переодеваться. Вы закончили «пробы», приступаем к фотосессии? – девушка посмотрела на меня через изящное плечо, осуждающе покачала головой и отвернулась.

Катитесь вы все к чёрту, подумала я, вылетая за дверь без прощальных слов.

– Майя, подожди! – Эми рванула за мной.

И совершенно зря, потому что я её отчихвостила по первое число. Она не была виновата, я сама сглупила, но кто остудил бы меня в тот миг? Той модельке, Нелли, тоже досталось, она узнала много интересных аспектов своей профессии и перспективы карьеры.

Я разозлилась и сорвала им съёмку. Бас-гитару они не получили, а с Эми мы разругались в пух и прах, словно и не дружили десять лет.

После всей этой кутерьмы я чувствовала себя отвратно. Опозорилась, поругалась с лучшей подругой, лишилась проходки на хорошую группу. Это, конечно, мелочи, сама куплю билет, но теперь я не знала, когда мы помиримся, моё упрямство и гордость меня порой выбешивали. Да, ещё две невыносимые черты моего прекрасного характера.

День получился приятный, не то слово.

Глава 3. Наваждение

Сегодня в электронном ящике меня ждало неожиданное письмо. Оно меня конкретно встряхнуло и переверотило все, что можно, а что нельзя – вытряхнуло и переверотило ещё сильнее. Наверное, с этого момента и началось начало конца. Или очень этому способствовало. Но по порядку.

Писал мне Леонид Федорович, тот самый фотограф, которого я обманула, сказав, что я – модель, которую они ждут. Правда, перед этим я обманула сама себя, так как знать не знала, что зайду не туда. Почему не уточнила у Эми этаж? Почему решила, что третий? Кто же знал, что у них одинаковая нумерация.

Итак, в письме он извинялся, что всё так получилось, сказал, что это не смертельно, все мы люди, поэтому нам свойственно ошибаться и совершать глупости. Жаль только, некоторые делают это чаще.

Он просил не расстраиваться, так как видел, что я огорчилась (на лице крупным шрифтом). Ни он, ни Родион, ни Карина (видимо та штучка-моделька) не в обиде и отнеслись с пониманием. Признаться, как бы ни хорохорилась снаружи, внутри я переживала, как они восприняли всё это, и упоминание, что никто не рассердился, успокоило. Всё-таки моя оплошность чуть не сорвала им работу.

Леонид Федорович писал, что съёмка прошла хорошо, и признавался, что я понравилась ему в качестве модели больше (ох, умеют же мужчины льстить). Якобы я в своём антураже выглядела естественно и непринуждённо, как и Родион, а вот Карина, хоть и профи, но в рокерских шмотках смотрелась несуразно.

Далее фотограф пояснил, что нашёл мой электронный адрес через Эми. Правда, сначала пришлось поговорить с фотографом Нелли. Фотосессию для неё всё-таки провели – гитару девушка получила от Родиона. Этим широким жестом он очень её выручил. И снова я не удивилась – сразу вспомнилась его беличья улыбка, которая буквально кричала о самопожертвенном дружелюбии и готовности помочь.

Таким образом, Леонид Федорович вышел на Эми. Та не обрадовалась обращению и не хотела связываться со мной – сильно обиделась. На вопросы фотографа отвечала уклончиво и старалась отделаться быстрее. По этой причине и дала ему мою электронку.

После ссоры мы не общались. Подруга всегда шла на сближение первая, зная, что я – птица гордая, и не полечу, даже если пнуть. Сообщить, что скоро мне напишет фотограф, было бы идеальным поводом помириться. Тем более, я уже раскаивалась, что нагрубила. Некрасиво вышло, пошла на поводу у эмоций. Но Эми проигнорировала возможность.

Зачем же фотограф прошёл девять кругов ада, разыскивая меня? Как оказалось, мой огорчённый вид так сильно его затронул, что он захотел сделать мне приятное. Уж не думал ли, что я решу покончить с собой из-за того, что они мне дали от ворот поворот? Неужели я производила подобное впечатление?

Никогда в жизни не причиняла себе вреда, не резала вены и ничего такого. Наносить раны собственному телу – всё равно, что калечить душу, своё естество, предавать самое себя. Как можно бороться, если пытаешься себя погубить? О какой силе духа вести речь, если гнуть и ломать внутренний стержень, который от неудач только укрепляется?

Это было лирическое отступление, вернёмся к письму.

Фотосессию они отсняли заново, однако Леонид Федорович не удалил фотографии со мной. Он полагал, что это мои первые профессиональные снимки и решил скинуть мне их на память. Их, наверное, нужно было выкупать, да и за съёмку заплатить, а он вот так, р-раз и прислал мне их в качестве подарка. Безвозмездно. То есть даром.

Упомянул только, что если решу разместить в Интернете, то с указанием авторства.

И вот они – четыре фотографии прикрепленными файлами. Мои самые удачные кадры, сделанные в студии профессиональным фотографом.

Я разволновалась. У меня действительно прежде не было хороших снимков. Интересно, какой он меня увидел? Зафотошопил так, что я себя не узнаю или оставил индивидуальность?

Загрузила фотографии, открыла и ахнула! Я ожидала увидеть качественную работу, но у меня дыхание перехватило – настолько всё было шикарно!

Мужчина отретушировал снимки, но в меру: выровнял тон лица, придал блеск глазам, пригладил волосы и усилил оттенки – такого глубокого чёрного я на фото никогда не видела. Я понравилась себе безумно и даже показалась красивой, несмотря на угрюмое выражение лица. На фото я получилась впечатляюще серьёзной.

Однако улыбка другого человека заставила моё сердце забиться чаще. Верно, ведь на снимке я была не одна.

Щёки вспыхнули как спичка, чиркнутая о коробок, едва я посмотрела на Родиона. Не нашлось слов описать, как он был хорош. До чего точно фотограф поймал его улыбку, передал доброту и силу открытого взгляда! Было что-то откровенно сексуальное в чёрных прядях, касающихся губ, что-то манящее в выражении лица и позе.

Я перелистнула фотографию, стараясь отогнать наваждение, но дальше стало только хуже – первым делом мой взгляд падал на Родиона, я забывала, что я вообще есть на фото. Свет падал так, что его лицо сияло от улыбки. Тьфу ты, пропасть.

На фотографии, где я положила руку ему на плечо, меня охватила дрожь. Но самое страшное подстергало на последней, где я уставилась в пол, а Родион смотрел на меня. С обожанием, лаской и восхищением. Так эстетично, мило и волнительно, словно на возлюбленную! Бред, Майя, да он просто думал о своём и выискивал несовершенства. Вот она, сила профессионализма! Суметь изобразить такое!

Голова теряла способность соображать. Я сохранила фотки и написала короткое благодарственное письмо Леониду Федоровичу. Мне было приятно получить снимки, это действительно хорошая память. Но саму фотосъёмку, позор и унижение хотелось забыть поскорее, стереть из памяти, как карандаш с бумаги ластиком.

Но я ещё не знала, что так же, как после стирания написанное не исчезает с листа полностью, так же трудно будет выкинуть из памяти мысли об этом событии.

* * *

Прошло три дня с фотосъёмки, которую я поклялась забыть как кошмарный сон. Достаточно времени, чтобы воспоминания притупились и поблекли, но...

Боже, я металась по комнате, будто слопала килограмм апельсинов и у меня началась аллергическая чесотка. Я ничего не могла делать. То падала на постель, то соскакивала, то садилась за комп. Странные чувства теснили грудь.

Причина? Банальная для типичной молодой девушки моего возраста. Для типичной, но не для меня! Как я умудрилась попасть в эту ловушку, как муха в паутину? Чёрт побери! Я одновременно и ужасно злилась и обожала эту сероглазую причину. Готова была убить его и расцеловать.

Признаюсь в своём поражении: Майя влюбилась в Родиона, будь он проклят!

Я стукнула кулаком подушку, оставив в ней вмятину и села на пол, привалившись спиной к дивану.

Прошло три дня, а я уже сходила с ума! Парень не шёл у меня из головы. Кто его просил туда залезать? Да никто, Майя сама заботливо его туда поместила.

Какой же он красивый! Эта неземная улыбка, милая и тёплая, беличья (да, отстань ты уже!), открытый взгляд, изумительно чёрные волосы, худая, сексуальная фигура.

Моё впечатление о Родионе успело поменяться несколько раз за первые минуты знакомства. Когда он показался мне разряженной моделью, которая хотела выпендриться и закосить под рок-звезду, я почувствовала раздражение и недовольство. Но распознав, что он музыкант, я испытала уважение, даже признала его привлекательным и симпатичным. Подумала: приятная внешность, но ничего особенного.

И вот допрыгалась. Вечером того дня была совершенно спокойна, ну, может, слегка взволнована. А утром получила письмо с фотографиями. Посмотрела, полюбовалась, но из головы он у меня уже не шёл... С утра следующего дня я вспоминала съёмку и те моменты, когда мы на дистанции в несколько сантиметров смотрели друг другу в глаза.

Весь день Родион всплывал в памяти, а всю ночь снился. Деталей я не помнила, просто знала, что этот пленительный красавец заполнил каждую секунду моих сновидений.

Состояние, когда в груди всё переворачивалось, накатывало несколько раз в день. А когда отпускаяло, сердце ныло, напоминая, чтобы я не расслаблялась. Я поставила злосчастную фотографию парня на заставку и то и дело брала телефон в руки под разными предлогами: посмотреть время, зайти в соцсети, прочитать сообщение, и просто так.

На этого пропитанного оптимизмом и жизнелюбием человека хотелось смотреть, не отрываясь, я проникалась этой энергией и любовью к окружающему миру. Это чувствовалось по доброму взгляду Родиона, по непоколебимой внутренней уверенности, по губам, уголки которых оставались приподнятыми даже в спокойном состоянии.

Я взяла с прикроватной тумбочки зеркало. Так и есть: мои смотрели вниз.

И вообще на меня словно дьявол глянул: тени под грустными зелёно-карими глазами, болезненная обречённость во взгляде, лицо как расплющенная морковка, короткий нос с горбинкой.

Я раздражённо отбросила зеркало и схватила подушку, которой пару минут назад достался отличный хук. Проклятый голос Родиона так и звучал в голове – голос, который я слушала бы как песню.

Наваждение. За что мне всё это? Чем я провинилась, что встретила его и отказалась владеть своим сердцем? Куда пойти, чтобы непременно встретить его? Нет никаких контактов и способов встретиться ещё хоть раз случайно в миллионном городе!

Можно попросить Леонида Федоровича, но нет! Это означало погубить себя окончательно, потерять последнюю гордость, а я не собиралась мириться с этой любовью.

Последний раз, когда я теряла голову от парня, то ещё училась в колледже, и он даже не подозревал о моей симпатии, и, промучив меня несколько месяцев, безответное чувство отпустило. Надеюсь, в этот раз всё закончится быстрее – не хотелось усложнять жизнь глупыми чувствами, которые при любом исходе не принесут ничего хорошего.

Я должна убрать фотографию Родиона с заставки, нужно удалить их и с компа тоже, или обрезать и оставить только себя. Нужно избавиться от этого наваждения... в бессилии думала я, уткнувшись носом в подушку.

Глава 4. Чёрный дубовый гроб

Сегодня уже четвёртый день, как мы с Эми не разговариваем. Никак и нигде: ни в соцсетях, ни по телефону, ни лично. Мы ещё никогда так сильно не ссорились – обычно она уже писала на следующий день, выждав, когда я остыну. Всякий раз она шла на примирение первой, и то, что сейчас не сделала этого, тем более имелся повод, значило, что она смертельно обиделась. Хотела, чтобы я стала инициатором примирения? Тогда ей придётся запастись терпением, я не готова на такие смелые поступки.

На худой конец можно сделать Влада посланником доброй воли, он умеет улаживать конфликты, легко забалтывая человека. Но он никакой не менеджер по продажам и не психолог, а актёр театра. Конечно, в свободное от основной работы время, но посвящал он увлечению достаточно часов в неделю, и играл не в какой-нибудь самодеятельности, а в самом настоящем театре, куда люди покупали билеты.

Пару раз я ходила на его спектакли. Хорошо играл. И как ему удавалось совмещать работу, музыкальную группу и актёрство? Как он всё успевал? Мне бы с учёбой разобраться: последний курс, диплом и экзамены на носу, совмещение с репетициями, а Владислав, кажется, ещё на какие-то курсы хотел записаться. Вот уж точно батарейка «Energizer» в одном месте. «Работает до десяти раз дольше!» Но когда у человека зашкаливал энтузиазм – это похвально. Надеюсь, я в свои двадцать восемь (сколько Владу сейчас) тоже буду мотивирована. Главное, не превратиться в развалину за эти пять лет.

Я сама купила билет на «Black Oak Coffin». В виду событий последних дней, почти не раздумывала идти или нет. Нужно было отвлечься, вытащить себя из болота по имени Родион, куда меня засасывало со страшной силой. Я ужасно обрадовалась, узнав, что деятельный Владислав составит мне компанию – поговорить с умным человеком всегда приятно. Может, хоть несколько часов не буду думать о беличьей улыбке.

Я не смогла удалить фотографии. Это было последнее, что связывало меня с ним. И ещё воспоминания. Интересно, вспыхнула бы я, не получив снимки? Загорелись бы во мне чувства? Наверное, да, фотки были не причём. Они всё равно не передавали дурманящую харизму парня, его движения и мимику. Чёрт! Обещала же не думать.

Влад спрятался от накрапывающего дождя под козырьком автобусной остановки возле местного концертного комплекса. Холодно не было, но я не удивилась, увидев его в чёрном пальто до колен и шляпе с узкими полями. Стильно, не спорю, но не для концерта. Я знала, что он мог одеться так, что любая рок-звезда поблекнет на его фоне. Видимо, приехал сразу из театра.

Владиславу повезло с внешностью: высокий лоб, длинный нос, глаза голубые, маленькие, но невероятно живые и выразительные, тёмно-русые прямые волосы до подбородка. Выше меня, стройный и осанистый.

Голос негромкий, но речь хорошо поставленная: мимика и жесты завораживали. И для вокалиста хороший диапазон. Мы ещё ни разу не выступали на сцене, но я была уверена на сто пятьдесят процентов, что актёрские способности Влада проявятся феерически. Вот уж кто чувствовал себя комфортно перед зрителями.

– Привет, – я подошла, и мы обнялись.

– Хай. Готова задать жару? Let's rock, baby!

– Готова, – улыбнулась я, и мы двинулись к входу, – я предвкушаю что-то грандиозное, шоу должно быть запоминающимся!

¹ – Дайшь рок, детка! (перевод с англ).

– Таких предвкушающих полно, – Владислав кивнул на толпу у дверей. – Господи, надеюсь, хоть стены останутся?

– Не уверена, толпа не то чтобы сознательная, – мы остановились поодаль, и я оценивающим взглядом окинула повизгивающих малолеток. Те, в свою очередь посматривали на нас – спокойных, стильных и эффектных. – Следовало поднять планку хотя бы до «двадцать плюс», не вынесу слушать их «восторги» весь концерт.

– Не будь так критична, дети хотят расслабиться, ты тоже можешь побеситься. Это же рок-концерт, где ещё так покричишь?

Мне стало обидно за команду. «Гробы» – ребята хорошие, молодые, отличный рокерский имидж и оптимистичные тексты, мотивирующие оторвать ленивую задницу от стула и начать двигаться к мечте. И пожалуйста: аудитория, которая пришла полюбоваться на смазливых музыкантов.

– Посмотрим, – ответила я. – В данный момент хочу накричать только на этих баранов.

Влад не отреагировал на замечание – привыкший. За время нашего знакомства, а это около двух лет, он изучил меня и адаптировался к характеру. Парень был одним из немногих, принимающих меня такой сумасшедшей, какая я есть, и мог вытерпеть больше пары часов за раз. Остальные раздражались и обижались непонятно на что.

Ах да, ещё Эми, она брала пальму первенства в умении управляться со мной, но решила продлить удовольствие и отдохнуть от меня чуть дольше. Что ж, её право.

– А ты вообще группу слышал? Или видел хотя бы? – спросила я.

– Слышал пару песен, видел один клип, – ответил Владислав.

– Всего ничего. Тогда откуда такой интерес к концерту? – хмыкнула я, памятуя, что он сам изъявил желание присоединиться.

– Редко когда заезжает группа подобного масштаба, пусть они не сильно известны в России, но никто не отменяет их мирового значения. Сотни тысяч фанатов по миру, туры и концерты. Они прикольные. А ещё у них на разогреве мои знакомые – «Rebel spirit».

– Никогда не слышала. Как они напросились на разогрев к «Гробам»?

– Записали хороший альбом с бодрой, ёмкой музыкой и мотивирующими текстами. Получилось похоже по стилю, поэтому договориться с организаторами не составило труда. Я учился в одной школе с басистом, отличный парень, веселый, позитивный. И пробивной, – усмехнулся Влад.

– Понятно. Заценим, – кивнула я.

Мнение друга было мне важно, но я предпочитала сама складывать впечатление. Я дотошно относилась ко всему, что касалось музыки, и оценивала это крайне придирчиво.

– Ну, и ещё причина есть. Не хотел тебя одну отпускать, – парень скосил на меня глаза. Когда он так смотрел, то всегда ругал, а сейчас строгость зашкаливала, и я всё поняла:

– Уже знаешь, да?

– Из первых уст. В этот раз, Майя, ты превзошла себя.

– Эми должна была понять, – я передёрнула плечом, напуская безразличный вид, но Влад нахмурился, и я вспыхнула: – Она подставила меня! Из-за неё я попала в неловкую ситуацию с этой гитарой, выставила себя идиоткой! – выпалила я, вспомнив растерянные лица в студии.

– Подставила? – удивился Влад. – А может, ты сама виновата и просто сорвалась?

Раздражение медленно стекло с меня. Он прав. И Эми – тоже, что не разговаривает со мной. Я поступила как свинья. Разве друзья так делают?

– Она сильно обиделась? – я не смотрела на парня.

– Прилично, – огорчённо проговорил тот. – Чертовски расстроена.

– Поговори с ней, а? Чтобы она не сильно переживала? Скажи, что Майя дура, что раскаивается, и всякое такое. Извинись за меня. Можешь?

– Без проблем. Но не лучше ли тебе самой? Так было бы правильнее.

– Знаю, но не могу. Я слишком... Короче, не могу и всё, – оборвала я. – Пошли, зайдём, надоело торчать на улице, – заявила я, чтобы закрыть тему, и потопала к дверям.

Влад побрёл за мной. Растолкав малолеток, мы попали в холл, успешно отработали схему: гардебор-туалет-бар, выпили по алкогольному шоту, и вошли в зал, где сцену уже обступили визгливые фанаты. Их выкрики то и дело оглашали зал, а через некоторое время толпа принялась скандировать: «Black-Oak-Coffin», вызывая их на выход. Ребячество. Ясно же, что первыми они не выйдут. Зачем портить настроение команде на разогреве?

На сцене появились техники и засуетились, завершая подготовку плацдарма.

– Пойдём поближе? – спросил Влад.

– Давай. Надеюсь, проблем со звуком не будет, как в прошлый раз, – я задумалась, вспоминая, кто тогда выступал, и тут начался концерт нынешний.

Погасили свет и пустили дым. Визг стал нестерпимым и местами переходил отметку в сто двадцать децибел. Мы с Владом пробрались в шестой ряд по правую сторону от сцены, легко просачиваясь между разрозненно стоящими людьми. Руки и камеры не мешали обзору. В принципе, я всё видела бы даже с задних рядов балкона, и предпочла это больше, чем толкаться тут, рисковать волосами, переживать слэм и ультразвук позади стоящих дамочек. Но мой друг хотел послушать своих знакомых, и я уважала его желание. Да и самой стало любопытно – если верить Владу, я упустила стоящую группу.

Минут через пять вышли музыканты. Барабанщик прошмыгнул за ударную установку, басист просочился к краю сцены, где начал подключать шнур, два гитариста встали по другую сторону. Я не знала никого.

Ребята подготовились и заиграли стартовую композицию. С первыми же аккордами из дыма вынырнул силуэт вокалиста. Знала ли публика группу или нет, но посвистели ему неплохо.

И тут я поняла, что мне пришла самая настоящая крышка, что можно сразу помирать и ложиться в чёрный дубовый гроб, потому что в вокалисте, широко раскинувшем руки в середине сцены, я узнала Родиона.

Глава 5. Концерт

Колени задрожали. Это был он! Без сомнений. Меня не хлестнуло и не ударило, а с размаху шандарахнуло о дорожный отбойник и перемололо все кости. Я умерла в ту же секунду, но воскресла от улыбки Родиона. Именно так я себя чувствовала. Дико глупой, жалкой и лишившейся рассудка. И наравне с этим абсолютно счастливой.

Говорила, больше не увидишь его, Майя? Думала, пути не пересекутся, а чувства забудутся так же легко, как появились? Вот, пожалуйста, наслаждайся и страдай.

И на меня действительно накатила какая-то сладкая мука: будто окутанная наркотическим облаком, я глаз не могла оторвать от худощавого и оказавшегося самым высоким в команде парня. Не уверена насчёт ударника – тот сидел, но шансов я ему оставляла немного. Мне так хотелось – чтобы Родион был первым во всем.

Он держался раскованно и уверенно. Как идеальный лидер искусно заводил зал, заставлял его откликаться. И выглядел эффектно в белой изодранной майке и в низко сидящих обтягивающих брюках, с дырами на коленях и бёдрах. В студии Родион был в кожаной куртке, а сейчас его неприкрытая фигура сводила с ума.

Можно было без труда рассмотреть его татуировки. Их оказалось больше, чем я предполагала. Те, которые начинались по обеим сторонам шеи, переходили с одной стороны в «рукав», а другая рука была забита частично. Рисунки виднелись и в прорехах истерзанной майки на груди и животе. Кресты, пентаграммы, маски смерти, герои комиксов, фразы, узоры – обилие всего. Но смотрелось классно.

Остальные детали его концертного образа мне тоже понравились: чёрные перчатки с обрезанными пальцами, широкий браслет-цепь, ремень с клёпками, серьга-крест в ухе. Его лицо в свете прожекторов казалось ещё безупречнее, чем в студии. Я убеждала себя, что виноват макияж, которым Родион снова не погнушался, но убеждение не работало. Я всё глубже проваливалась в пропасть обожания.

Вот каким музыкантом он оказался – вокалистом. Его голос пробирал мурашками до костей – низкий, хриплый с непередаваемыми модуляциями, он согласовывался с частотами моего сердца и резонировал, резонировал до умопомрачения, завораживая красотой и глубиной. В день знакомства я слышала всего несколько слов из его уст, но равнодушной не осталась, а сейчас влюбилась окончательно. В голос, конечно же. Хотя, чем дольше я смотрела на Родиона, тем больше это относилось и к парню в целом.

Подвижный, весёлый, заводной, он двигался по сцене, запрыгивал на возвышение, ходил по краю. Его харизма заполнила весь концертный зал. Каждый взмах головы, когда он откидывал с лица волосы, был преисполнен грациозности и самолюбования. А улыбки, которыми он одаривал поклонников, отзывались уколами мне в сердце. Что это? Ревность?

Но я не хотела, чтобы Родион увидел меня, и пряталась от притягательной магии его взгляда за лесом рук. Чтобы хоть как-то отвлечься, я решила рассмотреть остальных парней.

Все стройные, высокие и темноволосые. Дырявые штаны и перчатки на руках были отличительными чертами команды. Раздетую по пояс шуплую фигуру одного из гитаристов покрывали тёмные узоры татуировок, а средней длины начёсанные волосы торчали в разные стороны наподобие распотрошённого гнезда. Круглое лицо с блёклыми наркоманскими глазами выражало минимум эмоций.

Барабанщик тоже обнажился по пояс, оно и понятно – прилагать столько усилий – вспотеешь махом. Голову обвязал чёрно-белой банданой, из-под которой пушистые волосы свисали до середины груди. Чёрные глаза, вытянутое лошадиное лицо с длинным носом, широ-

кой челюстью и большим ртом производили отталкивающее впечатление. Ладно, хоть играл хорошо.

Соло-гитарист оделся в футболку, джинсы и кожаную жилетку с шипами. Он выдавал поистине будоражащие партии. Жаль, редко поднимал голову – он казался симпатичным. Но стоило уважать скромность в людях – в группе хватало харизмы на вокалиста и, пожалуй, на басиста.

Не менее активный, чем Родион, пластичный, улыбочивый бас-гитарист, полный энтузиазма и азарта, постоянно перемещался по сцене. Как он успевал играть, махать руками и стрелять глазами по толпе девчонок оставалось профессиональным секретом. Плотная чёрная майка и обтягивающие джинсы не мешали любоваться на подкачанную фигуру. Разноцветные татуировки покрывали сбитые руки от шеи до запястий, но рисунками другого характера, чем у Родиона: звёзды, цветы, сердца, женщины.

Приятные черты лица, фирменная обольстительная улыбка, стильная ступенчатая стрижка – басист знал, что красив и сексуален. Держался открыто, без тени стеснения, словно родился и вырос на сцене. Прямая спина, развёрнутые плечи, пружинящая походка, я предположила, что он вторая запоминающаяся личность в группе после вокалиста.

К которому, то и дело возвращался мой взгляд.

У входа я рассуждала, как глупо приходиться на концерт попускать слюни на музыкантов, а сейчас сама этим занималась. Как жестока судьба!

– Как тебе? – прокричал мне в ухо Владислав.

От неожиданности я вздрогнула. Заметил он или нет, как я пялилась на Родиона? Стыд и срам. Ладно, спишем на воодушевление от музыки.

– Очень здорово, – я приблизилась к его уху. – Они клёвые! Музыка отпад!

– А я говорил, – друг остался доволен.

Кстати, про качество песен. Неподражаемый голос Родиона колоритно соответствовал тяжёлому звуку. Обалденно красивые соло смягчали плотное рычание гитар и баса, барабаны чётко отбивали ритм. Иногда вступала скрипка, окрашивая музыку и одаривая роковое звучание непередаваемым контрастом и мелодичностью. Чем-то их музыка напоминала «Black Oak Coffin», вероятно, поэтому «Rebel Spirit» и пробилась на разогрев. Текста мне тоже понравились: жизненные, оптимистичные, вдохновляющие. Интересно, кто автор? А, ну да, кто ещё напишет такую мотивирующую лирику?

Я чувствовала драйв, рождаемый музыкальными переливами, бунтарский дух, я будто помолодела лет на семь, снова стала дикой и безбашенной, кивала в такт и пританцовывала, но вела себя сдержаннее беснующейся толпы. Каждая улыбка Родиона выстреливала в сердце, изрешечивая его пулями, нашипиговывала иголками, как швейную подушечку.

Песни пролетали одна за другой, я была как во сне. Наваждение пробрало с новой силой. Поэтому, когда отзвучала очередная композиция, и Родион объявил, что они уступают сцену долгожданным «Гробам», я чуть не вскрикнула от разочарования и обиды.

Всю последнюю песню я наслаждалась их триумфом. Я попала под распространяемые парнями лучи добра и заулыбалась. А провожая ребят со сцены, хлопала не жалея ладоней и даже покричала – музыкантам это всегда приятно. Сияя улыбками, они покинули сцену под бурные улюлюканья.

– Теперь начнётся самое интересное, да? – подмигнул мне Владислав. – Ты ведь этого не могла дожидаться?

На самом деле я чувствовала, будто мне здесь больше делать нечего. Настойчивое желание послушать «Гробов» прошло, точно целью вечера были «Спириты».

– Нет, почему. Мне понравилось, – никакого лукавства. – Отличная сыгранность, текста, музыка, внешний вид. Ты был прав насчёт них. Теперь хочу послушать альбом.

– Не пожалеешь! Он залит в Сеть, но у меня есть фирменный, подписанный Родионом и всеми членами группы.

– Родион – это тот друг, с которым ты учился? – спросила я, не моргнув глазом.

– Нет, это вокалист. Я учился с басистом – Сашей.

– Понятно, – проговорила я отстранённо, но, чёрт подери, далось мне это нелегко.

В голове появились дурные мысли, ох дурные! Можно попросить Влада устроить нам с Родионом встречу. Ужас! Ни за что! Играй равнодушие дальше, Майя, у тебя превосходно получается.

Владислав хотел сказать что-то ещё, но поднявшийся гвалт перебил – на сцену пустили дым, все всполошились, заверещали и всё громче и громче начали скандировать название группы. Я присоединилась. Пора было зажечь этот вечер и выкинуть всё остальное из головы. Я пришла получить удовольствие от концерта, расслабиться и побеситься. И ничто меня не остановит!

Через некоторое время на сцене появились американцы, и, вовлечённая в вихрь их музыки, я на полтора часа забыла обо всем. Хотя у «Rebel Sprit» и был схожий саунд, всё-таки до профессионализма «Гробов» они не дотягивали. Мировые звёзды с турне четвёртого альбома вкусили славу сполна. Но надо отдать должное Родиону, он вёл себя как отличный шоумен. Чёрт, зачем я сравнивала?

Концерт закончился, и я снова начала анализировать. Я выдохлась после прыжков и танцев, сорвала голос. Уши заложило, и я плохо слышала не то что Владислава – себя. Зато была полностью счастлива!

– Потрясающе! – выдохнула я, когда мы проводили заграничных гостей после песни на «бис». – Восторг! Офигеть, классно! – я готова была визжать, так мне понравилось.

– Ага, – ответил Влад. – Подождём группу у чёрного входа?

Я не поймала ничего брошенного со сцены, но и не очень-то хотелось – я пришла послушать музыку, а фанатские штучки пусть останутся подросткам, сотворившим себе кумира. И тут же усмехнулась: кто бы говорил – сама во все глаза пялилась на Родиона.

Однако когда Владислав намекнул на автографы, я подумала, почему нет? Воспоминания останутся со мной, но можно попробовать получить что-то вещественное.

– Давай, – отозвалась я, и мы покинули пустеющий концертный зал, взяли шмотки и вышли на улицу. Разгорячённые, мы ёжились от холодного ветра. Я застегнула замок на куртке и сунула руки в карманы. – Надеюсь, не придётся долго ждать, как бы не заболеть.

Кроме нас возле входа собралась небольшая толпа – человек тридцать. Все энергично обсуждали концерт. Даже у меня было оптимистичное настроение, улыбка не сходила с лица. Первое время.

Когда ожидание затянулось, я подумала, не отказаться ли от затеи с автографами. Зачем они мне? На стенку повесить? Убрать в стол? Потерять? Какая ценность!

Народу прибыло, и сомнения в том, целесообразно ли мы тут торчим, увеличились – вряд ли мы окажемся теми счастливыми, которым музыканты чиркнут свои неразборчивые подписи. Но мы упорно ждали.

Несколько раз двери открывались с ложной тревогой. А когда они распахнулись в очередной раз, то по восторженным крикам, я поняла, что вышли музыканты.

Мы с Владом стояли поодаль, пришлось встать на цыпочки, чтобы посмотреть. За спинами выходящих парней торчали грифы гитар.

Но я готова была проклясть всё и вся. Из дверей служебного входа выходили вовсе не «Black Oak Coffin», а чертовы «Rebel Spirit».

Глава 6. Автографы

Не знаю, о чём я думала, идя сюда. Почему не предположила, что могу натолкнуться на Родиона и компанию? Постконцертная эйфория затуманила мозги? Или я надеялась, что «Спириты» отчаяют сразу после выступления?

Но я заблуждалась. Они никуда не ушли. И сейчас мне грозила встреча с Родионом лицом к лицу.

Ребята пробирались через толпу, когда Владислав заметил их и обрадовался:

– Смотри, какие люди! Надо поздороваться. Пошли, Майя, познакомлю.

– Давай, раз уж всё равно ждём, – я выказала показное равнодушие.

Пожала плечами, а на самом деле хотелось раствориться в толпе. Но это вызвало бы подозрения – с чего вдруг самоуверенная пофигистка Майя стушеввалась?

Ладно, не спасую, я же храбрая девочка. Унять дрожь в коленях!

Первыми показались барабанщик и наркоманский гитарист. Я заметила, что Родиона и басиста тормознули для фото – всё-таки и у них были поклонники.

– Антон, привет! – Владислав махнул барабанщику, и тот, узнав приятеля, улыбнулся.

Боже, лучше бы он этого не делал! Широкая улыбка на половину лошадиного лица выглядела устрашающе. И голос мерзкий – скрипучий, прокуренный, надрывистый, брррр...

– Влад, привет! Ты был на концерте? Круто! – Антон крепко пожал ему руку.

Энтузиазма к знакомству я не проявляла. Мне не был интересен ни Антон, ни Марс, как звали ритм-гитариста, я в трепетном предвкушении ожидала, когда приблизится Родион.

Внутри всё сжалось. Наконец, парни вылезли из толпы и вклинились на середине оживлённого разговора.

– Ого, вот так встреча! – басист грациозно просочился между Антоном и Марсом и сграбастал Владислава в крепкое дружеское объятие. – Рад тебя видеть, чувак! Сто лет! – его лицо засияло улыбкой.

– Сашка! Вот уж точно сто лет! – отозвался Владислав. – А я приглашал тебя на свой спектакль, но ты не смог прийти, помнишь?

– Помню, друг, прости! Занят был в тот вечер, дико неудобно, обещаю исправиться. Когда у тебя следующее выступление?

Александр пока не замечал меня, и я затаила надежду, вдруг и Родион не увидит. Парень надел ту же кожанку, в которой я видела его в студии. Он выглядел усталым, но держал спину прямо, возвышаясь над коллегами по группе. И да, он оказался выше барабанщика на пару сантиметров. Руки держал расслабленно и с улыбкой наблюдал за Сашей и Владом, ожидая своей очереди поздороваться.

Но стоило мне посмотреть на него, как он тут же подхватил взгляд. Надежда, что не узнает, разрушилась моментально, когда в серых глазах, в полумраке кажущихся чёрными, появилась заинтересованность и удивление.

Родион расплылся в лучезарной улыбке и без колебаний двинулся вперёд. Чёрт!

– Привет, Майя! Не ожидал тебя здесь увидеть.

От чувственного переливчатого голоса по коже побежали мурашки. А как он мягко и деликатно произнес моё имя!

Он не отрывал от меня взгляда, а с губ не сходила радостная улыбка. Да, чувств этот пацан не скрывал. Ох, уж мне эти законченные оптимисты, душа нараспашку, в каждом моменте видят счастливое providение и повод для радости! Тьфу!

Меня раздражала его улыбка. Я видела в ней насмешку. Прекрасно помнила, как мы расстались. Как я, униженная, ретировалась, а он молча наблюдал, а потом по-любому ржал,

как конь, вместе с той модельной куклой. Потешаешься над выставившей себя на посмешище идиоткой, да? Моё раздражение на теплоту его взгляда росло с каждой минутой.

– Родион? – прохладным тоном я изобразила изумление. На улыбку ни намёка. – Я пришла на концерт. Тоже не ожидала тебя увидеть. Какая неожиданность.

– Это точно. И как тебе? Понравилось?

– Да, всё было супер, – я отвечала сдержанно. – Давно хотела и не разочарована.

Парень кивнул. И тут Влад заметил, что мы общаемся, и воскликнул:

– Род! Ба! Вы что с Майкой знакомы? Надо же! Ты не говорила, что его знаешь, – удивлённый парень повернулся ко мне. Соплекарники Родиона тоже заинтересовались.

Под пристальными взглядами я чувствовала себя некомфортно. Неловкость, а вместе с ней, и недовольство росли.

– Мы всего раз виделись. Не узнала на сцене, – солгала я с непроницаемым лицом.

Раздосадованная, я хотела уязвить его тоже, и, судя по тому, как дрогнуло лицо парня, мне это удалось. Как легко заставить человека чувствовать себя ничтожным! Просто сказать, что не запомнил его.

Взгляд Родиона стал спокойным и печальным, точно он расстроился от моего пренебрежения. Сильно саданула? Наверняка, считал себя привлекательным, облик незабываемым, а голос впечатляющим? Так оно и есть, но истинное отношение я не покажу.

По сути, Родион не сделал мне ничего плохого, но смутил чувства, а это я не собиралась прощать! Пусть расплачивается, что влюбил в себя. Лучше стать врагами и испортить отношения как можно раньше.

– А-а-а-а, – протянул Владислав, – значит, сценический имидж сделал Родиона неузнаваемым. Привет, отличное шоу, отыграли на пять, – он протянул руку, и парень, наконец, перестал меня гипнотизировать.

Сразу полегчало. Пусть думает, что хочет! Обидится и не полезет с вопросами. Поскорее бы эта дурацкая встреча закончилась.

Но всё, похоже, только начиналось. Род отступил к Владу, делаясь впечатлениями по поводу звука и сыгранности песен, а передо мной нарисовался басист.

В лице угадывалось явное смешение национальностей, но парня это не портило. На мой взгляд, чем больше разной крови, тем экзотичнее получалась внешность. Приталенная кожаная куртка подчёркивала плавные линии груди и плеч. Серебряная цепочка обвилась вокруг сильной шеи. Ниже Родиона, но крупнее, а фигура – истинно мужская, обтекаемая и соблазнительная: широкая спина, развёрнутые плечи, узкие бёдра. Красивый, но по-другому – мужественно, дерзко. Не мудрено, ведь он был старше.

Саша сногшибательно улыбнулся, и карие глаза приобрели чарующий блеск. Наверное, я должна была потерять голову, но у меня имелся иммунитет – улыбку Родиона я увидела раньше.

– Привет, кажется, нас не представили друг другу.

– Майя, – пожалала я плечами.

– Красивое имя, приятно познакомиться, – он улыбнулся ещё обаятельнее и протянул руку. Я пожалала широкую и тёплую ладонь. – Я Александр, но зови Саша или как сама захочешь.

Я усмехнулась. Он будто надеялся на продолжение знакомства. Но его открытое дружелюбие не вызывало у меня негодования, в отличие от любого действия Родиона.

– Хорошо, Саша, – кивнула я с улыбкой.

– Это Антон, Евгений и Марс, – ну наконец-то, кто-то додумался представить мне остальных членов банды официально. Мы обменялись приветственными любезностями.

– Саш, на секунду, хочу кое-что спросить, – бархатный рокот голоса Родиона отвлек Александра, который явно ещё хотел пообщаться со мной. Извинившись, он отошёл.

– Не устала? – подступил Владислав. Я помотала головой. – Чего-то я подмерзаю.

– Есть такое, – я поёжилась. – Скоро они уже выйдут, нет?

– То же самое хотел предложить! – все обернулись на громкое восклицание басиста. – Род, ты читаешь мои мысли! – Парни вернулись, и Саша хитро посмотрел на нас с Владом. – Ребят, вы сильно торопитесь?

– Не знаю, – ответил Владислав. – Стоим пока, мёрзнем, группу ждём. А что?

– Мы собираемся посидеть, побалагурить. У нас с Родом мысли совпали пригласить вас. Что скажете? Затусим вместе?

Традиционная афтерпати значит. По телу прошла дрожь, и я наивно понадеялась, что от усиливающегося холода. Появилась возможность продолжить знакомство с ребятами, с Родионом, в раскрепощающей атмосфере вечеринки. Хотела слинять от него как можно быстрее, а тут такое предложение.

Я замялась и снова начала раздражаться оттого, что колебалась. Не будь Родиона, я согласилась бы, и глазом не моргнув, но сейчас другое дело.

– Я, в принципе, «за», – согласился Влад, – давно не виделись.

– Супер! – обрадовался Саша. – А ты, Майя? Присоединишься?

Я глянула на Родиона. Тот смотрел на меня, поджав губы. Его лицо без улыбки выглядело делом серьёзным, даже упрекающим. Но всё равно оставалось прекрасным. На него можно было смотреть вечно, и, предложи мне кто, любоваться его фигурой и чертами лица всю жизнь, я согласилась бы, не задумываясь. Но сердце возмущённо ёкнуло.

Зачем он пригласил нас с Владом на вечеринку? Из вежливости и дружелюбия? Ой, Майя, не надо этих подозрений, что ты ему нравишься. Даже если, он ведь тебе не нужен? Как и эти самые чувства. Ты ведь не рассматриваешь отношения с ним? Только отвергаешь и превозносишь гордость. Правильно. Так и надо.

– Не знаю. Прямо сейчас? Мы вообще-то автографы ждём, – с непонятным вызовом бросила я Родиону в лицо. Пусть не думает, что стоит поманить, и Майя помчится.

– Так они не будут их давать, – удивился Антон, – они официально вчера автограф-сессию проводили в холле торгового центра.

– Да? Вот чёрт, – мне не удалось скрыть разочарование.

Проторчали тут, а могли избежать неприятной встречи.

– Косяк, – Владислав хмыкнул. – Ну, что поделаешь. По идее, раз столько задницы морозили, можно дождаться и попытаться взять нахрапом.

– Бесполезно, – я махнула рукой, – посмотри на эту толпу желающих, если кто и урвёт каракулину, то это будем не мы, – я шумно выпустила воздух.

– Если хочешь, я могу дать тебе автографы, – снова зазвучал шелковый голос Родиона.

Он протягивал мне фотку группы, размером в пол альбомного листа, и на каждом участнике стояла загогулина чёрным маркером.

– Спасибо, – саркастически усмехнулась я. – Я такое на «Е-бай» куплю, не утруждайся.

– Нет, ты не поняла, – воскликнул Саша. – Это настоящие! «Гробы» подписали нам эти фотки до концерта, мы немного пообщались в гримёрке. Не думал, Род, что ты так легко с ними расстанешься, после того, как первым просил их расписаться.

Настоящие? Я несмело взяла фотографию – хотела удостовериться. Прикоснулась к подписи и по шершавости каракулей, поняла, что маркер нанесён поверх, а не напечатан.

Я посмотрела на Родиона расширившимися глазами. Сама щедрость! Заполучил сокровище и так запросто отдавал. Ох, уж мне это самопожертвование! Одолжил модели гитару для фотосессии, дарил мне автографы. Так и последние штаны отдаст, попроси его.

От мысли о Родионе без штанов кровь бросилась мне в лицо.

– Оставь себе, – я решительно протянула фотографию обратно, – не разбрасывайся.

– Но я хотел... – начал парень, однако я перебила:

– Не нужно, спасибо, – ледяной тон должен был отбить его желание делать добро людям. – Подари тому, кто оценит. Забирай! – я насильно вложила фотку ему в руки.

– Как хочешь, – растерялся он.

Повисло неловкое молчание, которое все почувствовали. Саша перевёл взгляд с меня на Родиона и усмехнулся.

– Ладно, Род, не спеши расставаться с автографами, – он хлопнул друга по плечу, – ещё пригодятся, вот увидишь! – он рассмеялся так заразительно, что я физически ощутила, как разряжается атмосфера.

Родион пожал плечами и улыбнулся во весь рот, но как-то не особо радужно. Есть, я уколола его ещё сильнее!

– Раз мы выяснили насчёт автографов, – продолжил Саша, переводя взгляд озорных карих глаз на меня. – Что скажешь? Идёшь с нами? Майя?

Он произносил моё имя не как Родион. Последний выговаривал «Майя» нежно и мечтательно, а Саша – с искрой и огоньком.

«Ну же, Майя! Come on! Давай оторвёмся!» – так и слышалось в его тоне.

Это меня рассмешило. Лёгкая живость басиста, простота взглядов и активность расположили меня к нему. Верно, почему из-за одного олуха я должна портить себе веселье?

– Хорошо, – согласилась я, – иду.

Глава 7. Вечеринка после концерта

Ехать ночью куда-то тусить (как выяснилось – к Саше домой), в бодрой компании музыкантов, после отличного концерта – всегда занятно. Я снова чувствовала себя молодой и дикой. И волновалась, конечно же. Ведь причина моего воодушевления будет мелькать перед глазами несколько часов.

До места мы добрались быстро, болтая о концерте и музыке. Когда говорил Родион, я замирала, слушая его мелодичный голос, а когда он смеялся, от его улыбки слабели колени. Чёрт, как сильно он влиял на меня!

Я смотрела на него как изголодавшаяся кошка на сметану. И отказывалась себя понимать – больше всего на свете мне хотелось слушать его речь, и меньше всего – чтобы он продолжал говорить. Сумбур в неразбавленном виде.

Родион снова сиял и веселился. Грусть, промелькнувшая во взгляде, когда я отказалась взять фотографию, испарилась. Как же он отходчив! Я на его месте затаила бы смертельную обиду и не разговаривала несколько дней, недель, месяцев, никогда...

Парень не задерживал на мне взгляд надолго, я же смотрела исподлобья. Хорошо, что он не всегда замечал. Но, когда видел, удивлялся, почему я так лютую. Ты офигел бы, узнав, Родион.

Итак, наша веселая ватага выгрузилась на остановке, заскочила в супермаркет и прибыла в квартиру.

– Будет ещё кто-нибудь? – спросил Влад, снимая и вешая пальто.

– Нет, мы хотели посидеть впятером, без девушек, – Саша скинул куртку и сапоги, – но, увидев вас, не могли не позвать. Всё-таки, Влад, классно, что вы с Майей нам попались, – стоя перед большим зеркалом шкафа-купе в опрятной прихожей, он взбил рукой тёмно-каштановые волосы до плеч и улыбнулся мне отражением.

Я сдавленно улыбнулась в ответ и чуть не уронила снятую куртку. Когда Саша сказал: «без девушек», что-то оборвалось внутри. Не удивлюсь, если сердце.

Родион смолчал и ничем себя не выдал. А как ты хотела, Майя? Чтобы он обернулся и сказал: «Да, моя девушка не пришла сегодня»? Так не бывает. Но разве такой привлекательный парень может быть свободен? Аж дурно стало. Но что такое, Майя? Ты же всё равно не собираешься с ним встречаться, стоит ли переживать?

Наши с ним взгляды пересеклись в зеркале, но я тут же посмотрела на Сашу, пританцовывающего в ожидании, когда мы будем готовы пройти. Боже, в голове циркулировали одни и те же мысли, по замкнутому кругу, неизвестно кем и зачем там созданному. Ну, и как разомкнуть эту цепь и вытряхнуть оттуда ванильную белиберду?

– Проходите в зал, – Саша сделал приглашающий жест и скользнул по полу к входу в комнату, а через мгновение скрылся внутри. Мы последовали за ним.

Проходя по коридору, я затылком чувствовала взгляд Родиона. Паранойя? Но как бы то ни было, когда я переступила порог зала, то забыла обо всём.

Я редко присматриваюсь к интерьеру, и ещё реже мне что-либо нравится. Но обстановка здесь не оставила меня равнодушной. На выкрашенных чёрной краской стенах вместительного зала располагались квадратные картины, сгруппированные по тематике: на одной стене – флаги разных стран, на другой – животные и герои комиксов, следом – татуировки и девушки, но больше всего картин касалось музыки и рок-групп.

Справа от входа два угловых дивана со столиком внутри образовывали уютный чиллаут для приятного времяпрепровождения в компании. Противоположную стену занимали шикарная стереосистема, широкая плазма, стеллаж дисков и пластинок. У окна, в тени плотных

тёмно-красных штор, блестящим чёрным зверем притаился рояль. Люстра отсутствовала, вместо неё висел большущий дискошар. Освещение оказалось скудным: несколько ламп-бра и свечи в канделябре.

Напротив рояля разместилась барная стойка со стеной напитков и зеркал. Саша как раз доставал разнокалиберные стаканы.

– Уау! Как у тебя здорово, – я не сдержала восклицания. – Потрясающе! Сам все сделал? Или родители?

– Родители? Пф! – парень удивлённо обернулся и засмеялся, ставя стаканы на зеркально чёрную поверхность. – Я уже большой мальчик и живу отдельно. Это моя хата.

– А-а-а-а, – протянула я. – Молодец. Мне здесь нравится.

Вот балда, не сообразила. Сама же оценила, что Саша старше, и не вспомнила, что он учился вместе с Владом. Значит, ему было тоже около двадцати восьми. Интересно, какой у него род деятельности, барная стойка – не дешёвое удовольствие, ремонт экстравагантный, а рояль вообще бешеных денег стоит.

– Рад, что нравится. Располагайся, где удобно.

Я прошла вглубь комнаты, немного покрутилась, заканчивая осмотр, и села на высокий стул. Рядом приземлился Антон. Остальные рассредоточились кто-где. Родион сел на крутящееся кресло неподалёку. Марс и Женя занялись музыкой, а Владислав прошёл к Саше за стойку, чтобы помочь.

Время было за полночь, и я вдруг вспомнила Эми. Мы хотели повеселиться на концерте, но из-за меня она не пошла. Сейчас вместе тусили бы, позволь моя гордость помириться с лучшей подругой. Глупое безрассудство – все эти амбиции.

– Что будешь пить, Майя? – спросил Влад.

– Что угодно, без разницы. Ты же меня знаешь, я не привередливая.

– Спирт? Самогон? Борматуха? – над ухом раздался скрипучий смех Антона.

– А где наша не пропадала, – я поддержала, но меня рассмешил его голос, а не шутка.

– Вот ещё предлагать всякую фигню даме, – я поймала взгляд Александра. – Как кот Бегемот сказал: разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!

Я улыбнулась и пожалала плечами, не ожидая роскоши. Соглашусь на то, что будет, без выпендрёжа. Но приятно удивилась, когда Саша поставил передо мной рюмку с чёрной жидкостью, – во-первых, он галантно обслужил меня первой, а во-вторых, алкоголь пах шоколадом.

– Что это? – я интенсивно приняхалась.

– Чёрный ром. Попробуй, у него интересный вкус, – подмигнул мне Саша. – Антон, смешать тебе коктейль?

Коктейль? Вот уж не думала, что этот упырь пьёт коктейли, по его виду можно сказать, что водка – его лучший друг. С другой стороны, чего я привязалась к человеку? Подумаешь, природа приколотась. У него, вероятно, и девушка есть.

Девушка. Я снова бросила взгляд на Родиона. Тот увлечённо что-то рассказывал Марсу и смеялся, запрокинув голову. Из-за быстроты речи я не разбираю слов, до меня долетал только его щекочущий голос.

Воспользовавшись, что он отвлечён на друга, я задержала на нём взгляд дольше обычного. Сняв куртку, парень снова остался в покоцанной майке, в дырах которой просвечивало тощее тело. Острое колено, закинутой на бедро ноги, торчало из разорванных брюк. Тонкая изящная рука покоилась на голени.

– Род, твой джин-тоник, – позвал его Саша, и Родион живо обернулся на предложенную выпивку, медленно распутался: убрал руку с ноги, потом ногу с ноги, провёл ладонью по волосам и поднялся.

Он приблизился к стойке и облокотился на край. Саша откатил ему широкий стакан, и Родион легко и грациозно его поймал. Кубики льда плавали внутри, позвякивая о стенки. От тепла тонких длинных пальцев стекло тут же запотело.

Парень не ушёл, оставшись стоять возле Антона, по левую руку от меня. Не рядом, но на непростительно короткой дистанции. А я оплошала – снова посмотрела на него. Сейчас из-за опасной близости этого делать не следовало, но я не устояла.

За что жестоко поплатилась – Родион поймал мой взгляд. Я чуть не зарычала от досады, ибо не смогла в ту же секунду отвернуться и напустить на себя равнодушный вид. Парень мог распознать толику интереса, искру чего-то большего, сильного и мучительного, чем просто любопытство. Уф, едва не пропала в серо-голубом дурмане его глаз.

Меня спас Антон. Чуть не расцеловала его за произнесённую фразу:

– Чего сидим-то? Давайте уже выпьем за хороший вечер, за отличный концерт!

Никогда в жизни так не радовалась предложению выпить. Родион посмотрел на друга и освободил меня от сжимающейся вокруг шеи удавки – так я переживала его взгляд.

– Поддерживаю, – охотно отозвался Владислав, поднимая бокал.

Зазвенели стаканы. Мне показалось, или наши с Родионом соприкоснулись особенно громко? Брось придумывать, Майя, пей.

Ром, кружи голову! Расслабляй, помогай забить на всё!

Как глупо я себя вела! Неужели все влюбленные поголовно становятся дебилами? Разум отгораживается от адекватного понимания вещей полупрозрачной ширмой. Видишь и понимаешь как правильно, но остаёшься за гранью, где правит безрассудство.

После третьей или четвёртой рюмки – не могу сказать точно – меня попустило. Расслабившись, я даже вступила в разговор и поделилась впечатлениями о концерте, а конкретнее, о выступлении «Rebel Spirit».

– Понятия не имела, что существует такая отличная группа! Как вы прошли мимо меня? Не слышала ни про одно выступление.

– Наверное, не обращала внимания, – пожал плечами Саша. – Да мы и не часто выступали – раз десять, да, Родион?

– Сегодня был двенадцатый, – ответил тот.

– Ты с этим точен, – рассмеялся басист и опустошил рюмку, – а у меня вечно из головы вылетает.

– Одно осталось до чертовой дюжины, – усмехнулась я и последовала примеру Саши.

– Осенью прошлого года мы выпустили альбом, – проговорил Родион, глядя на меня с мягкой улыбкой и, что самое приятное, без тени гордости.

А зря. На его месте я задрала бы нос. Выход альбома – событие! Уверена, Антон, Саша или кто другой из группы, сообщил бы мне об этом с бóльшим воодушевлением.

– Да, я в курсе. Владислав сказал, – сдержанно ответила я. – Как называется?

– «Heart of fire»².

– Интересно. Надо будет послушать.

Ну вот, мы уже обменялись несколькими репликами. Зачем я вообще с ним разговариваю? А с другой стороны – не молчать же, когда обращаются? Не по-человечески. Всё-таки люди существа социальные.

– Он у меня есть где-то, но лень искать, – Саша взял в руки пузатую бутылку и наполнил опустевшие рюмки. – Да и не охота сейчас свою музыку слушать.

– Не страшно, поищу в Инете, – сказала я. – Или возьму у Влада.

² «Огненное сердце» (перевод с англ.).

– Не, не пойдёт, – возразил басист. – Будет тебе диск. Собственный, фирменный. Презент от группы, – он подмигнул. – Род, у тебя память лучше, напомни мне завтра. Или сам организуй.

– Организую, – кивнул тот. – Армия наших поклонников должна расти.

Ишь, записал меня в фанатки.

– Спасибо. Я и без альбома впечатлена.

И рассказала, чем конкретно. Отметила технику каждого: потрясные гитарные партии Марса, соляги Жени, прекрасную работу ритм-секции Саши и Антона. Всех упомянула, кроме Родиона. Я настойчиво уклонялась от заслуг вокалиста в группе, но никто не заметил – все были навеселе и развесили уши от лестных слов в свой адрес.

Пока я расточала похвалы, Родион внимательно слушал, будто ждал, скажу я про него или нет. А когда не дождался, его взгляд погас. На миг у меня защемило сердце – не хорошо я с ним обходилась – ни одного доброго слова не сказала, жалко мне, что ли? Ведь мне до мурашек нравился его певческий голос. Поэтому я высказалась по текстам:

– Лирика трогает душу. Некоторые строчки пронзительно красивы и глубоки, с точным смыслом. Кто у вас текста пишет?

– Родион. Бывает, так загнёт, душу выворачивает, – ответил Антон. – Я ненадолго отлучусь, – он соскочил со стула и исчез в коридоре.

Так я и думала. Но почему сам не сказал? Едва уловимая улыбка коснулась губ парня, а серо-голубые глаза посмотрели печально, но не на меня, а в окно. Решил не дразнить заявлениями об авторстве текстов, раз я наглым образом проигнорировала его роль в группе? Какая деликатность и тонкая настройка на людей!

Захотелось плюнуть куда-нибудь, желательно ему в стакан, раздражение всколыхнулось с новой силой. Глядя на парня исподтишка, я заметила, что он, неспешно потягивая свой джин, задумчиво посмотрел на опустевшее место Антона. Уж не собирался ли он сесть рядом? Ещё не хватало!

Наверное, больше всего слов я сказала о Саше и его инструменте. В смысле, о басухе. Всё-таки коллега, брат по оружию, играем на одной гитаре. Ну, как – на одной. Каждый на своей, но это одна и та же басуха. Погодите, почему опять одна? У-у-у-у.... Мысли уже путались.

– Мне особенно понравилась басовая партия в третьей песне, – я снова вернула тему. – Интересная. Обожаю, когда не по одной струне.

– Ага, я тоже люблю сложные партии, – кивнул парень.

– Ой, встретились два басиста, – засмеялся Владислав.

– Что? – удивился Саша и его ровные, словно тронутые рукой стилиста, брови поползли вверх. – Тоже играешь на басухе, Майя? У тебя в группе, Влад? А чего молчали?

Владислав кивнул и пожал плечами, а я скромно улыбнулась. Мне были приятны эмоции Саши. Но Родиона я не удивила: он уже знал, ведь на ту злополучную фотосессию я припёрлась со своей красавицей.

– О-бал-деть, – Саша обошёл вокалиста и сел на стул, который освободил Антон.

Я вздохнула с облегчением. Нет, правда, между мной и Родионом должна находиться преграда. Любая возможная. Физическая и духовная. Все возможные препятствия, пожалуйста. Так лучше.

Кому, Майя?

Что-то потяжелело в груди, и я залпом опустошила рюмку, надеясь, что ром предотвратит разрушительные реакции в организме. Пусть лучше на меня действует алкоголь, чем серо-голубые глаза, которые снова нашли меня, стоило Саше приземлиться рядом и захватить меня в плен разговора. Зачем мне думать о Родионе, когда я могу расслабиться и поговорить о реально крутых вещах?

Александр воодушевился, и мы плавно абстрагировались от общего разговора. Голоса отошли на второй план и смазались, как пересвет на отретушированной фотографии. Интересные мне темы я могла обсуждать часами.

Вскоре мы с Сашей перебрались на комфортный диван, где и продолжили. Общение, конечно. Парень владел восьмьюдесятью процентами моего внимания, и я забывала о Родионе. Я с удовольствием смотрела в глаза Александру, потому что от его взглядов кровь не ускоряла бег, сердце не стучало в горле, дрожь не сковывала, а смущение не связывало язык. Только комфорт и раскованность.

Сумасшедший блеск глаз басиста завораживал, придавая его красивому лицу смазливое выражение, но у меня имелся иммунитет.

И он мрачнел тем больше, чем сильнее веселили мы. Замечая хмурые взгляды Родиона, я чувствовала, как скрипели и натягивались его нервы, но нарочито игнорировала, и даже в открытую выказывала ему пренебрежение. Пусть думает что хочет, мне нет дела.

Глава 8. Становится хуже

Включили музыку, и она загремела на всю комнату, помешав нашему с Сашей разговору. Чтобы слышать друг друга, приходилось сидеть близко и повышать голос. Обсуждали мы исключительно технику игры, примочки, репертуар, кто, когда и как начал учиться и прочее, но вынужденная близость и разговоры «губы к уху», обманывали восприятие. С определённого ракурса вообще могло показаться, что мы целуемся.

Во мне кипело варево из чувств: злость, радость, раздражение. Я была уверена, этот пожар разгорался из-за алкоголя. И совсем чуть-чуть из-за испытываемых чувств.

Не наоборот? Да не важно.

Вскоре и остальные перебрались на диваны и окончательно прервали нас с Сашей. Антон плюхнулся рядом так, что меня подкинуло. По скрипучему саднящему смеху я поняла, что он уже хорош.

Он прокомментировал своё появление, но я не разобрала слов – он и так говорил неразборчиво, а сейчас понимать его стало ещё труднее. Да, пить – тяжёлая работа.

Владислав, Марс и Женя расположились на диване напротив. Они принесли бутылку водки, виски, вермут и кое-что из еды. И когда успели организовать? Похоже, ребята чувствовали здесь себя как дома и без стеснения хозяйничали в баре и холодильнике Саши. Впрочем, недовольным он не выглядел. Напротив, инициативу друзей одобрил. Я улыбнулась тому, что он не жадничал.

Потому что у меня иногда это проявлялось. И аттракционы невиданной щедрости приводили меня в замешательство. Тот же Родион со своими автографами – не глупо ли, отдавать такую ценность просто так? Но против Саши я предубеждения не чувствовала – он ничем не жертвовал, и сам в охотку уплетал закуску, запивая алкоголем.

Пришедшие расселись. Родион замешкался и остался без места. Хотя, с его худощавой фигурой, он легко мог втиснуться между Владом и Женей, или между Антоном и мной. Ну, уж нет! Пусть сидит на подлокотнике дивана.

В груди всё перевернулось оттого, с таким удобством он сел. Согнул ногу в колене и подтянул к груди, другую свесил вниз, а сам разлёгся на спинке. В левой руке он держал широкий полный джином стакан.

Я мельком посмотрела на торчащее из разорванной штанины колено, на узкую грудь, просвечивающую в дырах майки, на худую костлявую руку. Кто, мать вашу, разрешил ему быть таким привлекательным и сексуальным? Он просто сел, а у меня уже крышу снесло. Что в нем такого особенного? Тощий темноволосый музыкантишка с низким голосом и сногшибательной улыбкой! Это нечестно!

Но кто сказал, что любовь справедлива?

Родион расслабился и опустил голову на спинку. Длинные пряди смотрелись так изящно и красиво на кожаной обивке, что я засмотрелась на них, на прямой профиль, на подрагивающие ресницы, на чувственную линию губ, уголки которых приподнялись в тающей мечтательной улыбке. Я так прониклась моментом, что ослабила бдительность, и, когда Родион открыл глаза, я смотрела на него с идиотской лыбей.

Захотелось громко и смачно выругаться. Парень взглянул на меня с грустью и разочарованием, достиг взглядом дна души и отвернулся.

Снова деликатность? Или ответ на пренебрежение? Я чувствовала себя поганкой, портящей суп. Глупая Майя. Не смотри больше на Родиона! Пусть висит себе на подлокотнике, тебе какое дело!

Саша убрал ногу с колена и случайно пнул пустую бутылку, стоящую возле ножки дивана. Позвякивая, та покатила по паркетному полу.

– Эта откуда ещё? – удивился он.

– А ты святой, что ли, удивляться пустой таре, – Антон раскинул длинные грабли и задел моё плечо.

– И то верно, – хмыкнул басист и поднялся с такой лёгкостью, точно и не выпил полбутылки рома. Танцующей походкой направился в бар, на ходу подкидывая катящуюся бутылку в ведро. – Вот твоё место, нечего прятаться под диваном.

– Род, ты сейчас свалишься на меня или обольёшь джином, – пожаловался Марс, над головой которого разлётся Родион.

– Не свалюсь, – отозвался тот. – И стакан держу крепко. Это у тебя руки дрожат.

– Ну и пусть, – Марс посмотрел на него мутным взглядом, – не я же лежу на спинке дивана у тебя над башкой. Тебя надо отсюда выкурить, – он пихнул локтём ногу друга, из-за чего тот едва не потерял равновесие. – Вот, видишь? Из-за тебя я нервничаю.

Я прыснула. Нервничающий Марс – картина маслом. Тот ещё непоседа – начал страдать ерундой! Пока не пытался спихнуть Родиона, тот никому не мешал.

– Марс, ты просто сам сиди спокойно, – сказал Женя, и я была согласна.

Но тот снова обернулся, оценивая шаткое положение вокалиста, и вынес вердикт:

– Кыш отсюда, это не жёрдочка. Вон же, на диване свободно.

– Сашка потеряет место, – загоготал Антон.

– Да ниче, – тот в это время рылся на полках стеллажа. – Род, располагайся, я пока не сяду. Ищу кое-что.

– Иди, давай, – Марс снова пихнул Родиона, уже принявшего вертикальное положение.

Радостным тот не выглядел. Ещё бы – выгнали, когда сидел спокойно.

Но только Родион двинулся к дивану, меня как бейсбольной битой огрели. Саша сидел рядом со мной, и как я упустила? Засмотрелась на их комедию с перестановкой, театр да и только. Но заметь я раньше, и что? Возмутилась бы и запротестовала? Я живенько перебрала в голове аргументы, и не нашла ни одного веского против!

Значит, судьба. Когда Антон освободил стул, Саша спас меня от нежелательного соседства, и сейчас он же подвёл меня к нему. Наша жизнь – череда случайностей. Но я протестую! Не хочу, чтобы Родион сидел рядом, касался меня худым бедром или обнажённым плечом. Одно дело – смотреть издали, и другое – чувствовать рядом.

Справлюсь ли? Он сделал всего шаг, а я уже подобралась. Тот же печальный взгляд, отсутствие улыбки, но будто намек на неё, как тень облака на земле, как предвкушение чего-то, надежда... Не знаю, мысли уже сосредоточились на побеге.

Я решила ретироваться, как только Родион займёт место. Его неосознанное влияние на меня губительно. Умудрилась же вляпаться, с беспечной лёгкостью поддалась чувствам к длинноногому, узкоплечему созданию с изумительными, цвета хмуращегося неба глазами и улыбкой, способной заставить сердце петь. Так хорош, что аж бесило!

Он раздражал меня.

Я раздражала сама себя.

Холодным и укоризненным взглядом я пронзила Родиона как пикой. И мне снова удалось задеть его – тень улыбки пропала, как сдутое ветром облако.

Он спокойно и отстранённо посмотрел на меня. Замедлился, раздумывая садиться или нет. В руках всё ещё держал злополучный стакан. Родион поболтал джин, кубик льда несколько раз отскочил от стенок, и стекло мелодично запело. Он нарочно нагнетал?

Я получила от него взгляд, полный странной тоски, острой как жало осы, на которую случайно наступаешь босой ногой. Парень залпом осушил стакан и поставил его на стол так,

что тот обиженно зазвенел, а Родион, наконец-то, опустился на диван, переместив корпус в противоположную сторону, чтобы ненароком не задеть меня.

Так паршиво мне ещё никогда не было. Как тебе такое обращение, Майя? Это же то, чего ты хотела. Довела парня. Но почему теперь так херово?

Сейчас Родион находился ко мне ближе, чем когда-либо, но я оттолкнула его так далеко, как могла. Я резко поднялась.

– Эй, чего соскочила, как укушенная! Напугала, блин! – Антон обернулся на меня, как на дикого зверя, выскочившего из клетки, которую забыл закрыть надравшийся зритель.

– Извини. Мне надо... – залепетала я, отчаянно придумывая причину. Кажется, на меня посмотрели все, – отойти, – и я шмыгнула на выход, едва не запутавшись в ногах Родиона.

Саша обернулся и проводил меня странной улыбкой. Все мы были уже не трезвыми, но я растерялась и остановилась. Сердце глухо билось, отдаваясь в висках.

– По коридору и направо, – ответил хозяин квартиры.

– Спасибо, – я спешно ретировалась.

Теперь можно выдохнуть. Я медленно пошла по тёмному коридору в указанном направлении, дыша глубоко, чтобы утихомирить разошедшееся не на шутку сердце. Так не пойдёт, сейчас ты успокоишься, Майя, вернёшься, сядешь, мать твою, рядом с Родионом и с невозмутимым видом просидишь так до конца вечеринки. Единственный выход из этой ситуации – просто игнорить его.

Я закрылась в туалете и посмотрела в зеркало. Да, дорогая, любовь тебе «к лицу» – выглядишь измотанной. И не только физически, но и морально – борьба с соблазном вытягивала все силы. Ева, блин, в Райском саду, искушаемая змием.

Я отбросила волосы со лба и освежила холодной водой пылающее лицо, стараясь не размазать поблекший макияж. Зато глаза горели, как у кошки в темноте. Я выскочила в коридор, как чёрт из табакерки, и чуть не столкнулась с Женей, который разговаривал по телефону. Напугались оба, извинились.

Я вернулась в комнату. Тут ничего не изменилось: Саша по-прежнему рылся на полках, народ разговаривал, звучала музыка. Родион откинулся на диване с полным бокалом. Антон вальяжно развалился, претендуя на моё бывшее место. В нынешний промежуток между молодыми людьми я никак не втиснулась бы без дискомфорта.

Хмыкнув в растерянности, я заметила, что рядом с Владом свободно – Евгений же вышел в коридор. Прости, друг, как вернёшься, придётся искать другое место обитания. Я шмыгнула и уселась рядом с Владом, где залпом выпила следующие две рюмки.

Нет, со мной всё будет хорошо. Я никогда прежде не напивалась до состояния «ничего не помню». Не нравится мне это «прежде». Сегодня всё будет чинно и благородно. Не полезу же я к Родиону целоваться. Или к Антону, что хуже.

Я на секунду закрыла глаза и представила, что прошла не секунда, а несколько минут или даже часов, и все это время я не отдавала себе отчёта в действиях – мозг отключился, тело жило своей жизнью. Представила, что открою глаза и увижу перед собой Родиона. И он будет целовать меня. Вот это поворот, а?

Я распахнула глаза, но всё было нормально. Однако становилось хуже, если я грезилась о поцелуях.

Парень спокойно смотрел в окно. Какую даль он видел в темноте своих мыслей? Молчаливый, меланхоличный и загадочный. А на самом деле просто пьяный.

– Саш, сколько можно копать в этом хламе? – не выдержал Антон, перебив громким невнятным голосом музыку. – Что ты ищешь?

Басист остановился и в задумчивости почесал затылок.

– Ноты одной песни, – он повернулся и кивнул на чёрного притаившегося в тени зверя, будто это он заставлял его рыться в полках, – сейчас сыграли бы.

– Ноты, – заржал Марс, – а Инет тебе на что?

– Да они были где-то здесь, совсем недавно попадались на глаза, – Саша снова повернулся к стеллажу, взял и перелистал стопку нотных тетрадей. – А потом уже я пошёл на принцип. С планшета неудобно, но видимо придётся, – он отправил ноты обратно.

– Какую песню искал? – поинтересовался Марс, доставая гаджет.

– «Motley Crue» – «Home sweet home».

– Ёжкин кот! Что ж ты сразу не сказал, – парень поднялся, – я её знаю.

– Я тоже помню ноты, – очнулся от прострации Родион.

Саша посмотрел на них и рассмеялся.

– Битый час потратил на поиски, – он упёр руки в бока и покачал головой. – Этот стресс нужно запить, – он налил полстакана виски и залпом опустошил. – Идёмте, поиграем.

– Начинается самое интересное, – возвестил Владислав, потирая руки.

И я была склонна верить.

Глава 9. Кровь

Парни прошли к роялю. Саша поднял крышку, и заскучавший инструмент глухо откликнулся, приветствуя хозяина. Марс с умным видом уселся на стул. Родион поднялся, его качнуло, как травинку, но он быстро выровнялся. Подошёл и ласково коснулся инструмента. А может, и не испытывал восторга или уважения к роялю, а просто нашёл точку опоры. Потому что, когда он откинул волосы, мне показалось, что он уже наполовину спит, и голова ужасно тяжела.

Наблюдать за пьяным Родионом было интересно, он не буянил и вел себя спокойно. Значит, из тех людей, кто, надрывшись, ложился спать и не искал приключений на задницу.

А играть-то сможет? Скорее всего. Многие музицируют, вмазавшись. Способность играть без ошибок в таком состоянии – не доказательство, что ты настоящий музыкант. Пальцы помнили правильные позиции, даже когда голова «поплыла». На звук влияла только подвижность пальцев.

О да, философские рассуждения после пары стаканчиков, ты это любишь, Майя. Отставить! Будем беспристрастными зрителями.

На Сашу, наконец, подействовало всё, что он старательно в себя вливал, и свечи в громоздком канделябре он зажжёт только с третьей попытки. Я с опаской подумала, стоило ли. Свет нужен чтобы играть, но огонь? Ладно, сами разберутся. Хорошо, что канделябр стоял не на блестящей поверхности, а на салфетке. Хотя, если кто-нибудь свалит эту махину, инструменту не избежать украшения в виде царапин или сколов.

Саша приземлился рядом с Марсом. Родион остался стоять. Пока музыканты обсуждали, кто будет играть, а кто петь, мы перебрались поближе. Я забралась на высокий барный стул и свесила ноги. В этой части комнаты царил полумрак, ореолы трёх горящих свечей загадочно мерцали, рассеивая тьму вокруг рояля. Отсветы падали на лица парней, усиливая ощущение таинственности.

Отклик клавиш, когда проверяли настройку, и тихий разговор музыкантов, собравшихся вокруг старинного инструмента, преобразился в моём воображении в мистическую картину: будто три сверхъестественных существа (любых на выбор, главное, чтобы любили музыку) обсуждали предстоящее выступление. Присутствие мистики окутало меня странным уютом. А в реале три в дрова пьяных парня собирались продемонстрировать нам своё умение играть.

Саша нот не знал и решил петь. Родион забыл слова, зато превосходно помнил ноты. Марс помнил и то и то, и собирался быть на подхвате. Жаль, мне хотелось послушать пение Родиона ещё раз, почувствовать мурашки по спине.

Казалось, парень едва стоял на ногах. Едва он убрал руку с крышки рояля, как его занесло, но он уверенно простёр ладонь над клавишами, готовясь вступить. Целостный, несокрушимый, непокорённый – так я подумала о нём тогда. И мурашки всё-таки пришли.

– Поехали, – Марс возомнил себя Гагариным и начал.

Он коснулся клавиш на удивление мягко и ритмично, начав наигрывать трогательную и красивую мелодию. Родион тоже вступил, делая яркие акценты на определённых нотах. В сравнении с Марсом, он играл импульсивнее, порывистее, резче, а иногда с чрезмерной силой давил на клавиши, что меняло общий характер мелодии с плавной и лёгкой на экспрессивную и эмоциональную.

Темперамент и страсть, пыл и экспансия – это был Родион, а нежность, сдержанность и умиротворение – Марс. В этом противопоставлении они дополняли друг друга. Игра в четыре руки отождествляла чувственную и разумную составляющие, которые всё никак не найдут согласие между собой, но и друг без друга не могут, противореча даже в гармонии.

Меньше всего я ожидала от Родиона чего-то подобного. Он снова поразил меня, развёл на эмоции. Я зауважала его с новой силой, ошеломлённая, поняла, что ещё больше влюбляюсь.

Хорошо, что он всё-таки не пел, впечатлений с лихвой хватало от его игры. Пел Саша. Сильно, уверенно, стройно. Голос выше тембром, в другой тональности. Ноты тянул хорошо, все одинаковой высоты, не скакали, местами даже проступали интересные вокальные фишки, но всё-таки его голос звучал не так профессионально, как у Родиона.

Диапазон Саши казался небольшим и превосходным для бэка. Не думаю, что он учился искусству пения. Хотя я могла ошибаться. Не хотелось обижать Сашу, мне понравилось, как он пел. К тому же он искренне наслаждался процессом: это читалось по мимике, жестам и чувственности в голосе. Будь я сентиментальнее, наверное, разрыдалась бы, но и так меня до глубины души тронули и игра, и пение.

Кроме того, в памяти всплыли мои уроки сольфеджио и теории музыки. Воспоминания грели душу, я почти ощутила клавиши под пальцами.

И ещё меня порадовало, что и Родион, и Саша знали ноты, без проблем играли и пели по ним. Нечасто встретишь хорошего музыканта, для которого песня, расписанная нотам, а не табулатурой, не превращалась в неразрешимую головоломку.

К примеру, наш собственный барабанщик понятия не имел, что такое ноты, да и Влад – недоучка, однако легко настроит инструмент на слух и на раз-два подберёт мелодию. Иметь гармонический слух – отлично. Не хочу приуменьшать значимость нотной грамоты, но не всегда плохо её не знать. И наоборот – уметь их читать не показатель, что человек – бог и ас музыкального мира. Ноты – всего лишь один из инструментов письменной передачи звуков. Майя в своём репертуаре – отвлеклась на рассуждения о музыке.

Я заставила себя прекратить и повернулась к играющим. Песня заканчивалась: Саша замолчал, парни доигрывали. В последние секунды я любовалась склонённой головой Родиона, его тёмными волосами и сосредоточенным лицом. Красив настолько, что казался нереальным. Как можно быть таким уникальным?

Я вздохнула. Мой вздох задрожал в тишине затухающей вибрации отзвучавших нот.

Секундная пауза, а после – гром аплодисментов и одобрительных возгласов. Я хлопала неистово. Исполнителям понравилась наша реакция. Насколько, что они сыграли ещё пару песен.

Но откровенно говоря, их музыка хорошо воспринималась только поначалу – мы быстро впали в дрему. Музыканты тоже. Пропускали ноты, сбивались с ритма, откровенно косячили. Вскоре и сами поняли и прекратили мучить наши уши.

– Надо промочить горло, не могу так петь, – Саша поднялся со стула и подхватил пустой стакан. – А это, между прочим, опасно. Давайте на сегодня закруглимся?

– Поддерживаю, – Марс тоже поднялся. – Концерт окончен, господа!

– Сыграли отлично! Очень понравилось! – воскликнул Владислав.

– Супер! – кивнула и я, поймав взгляд Саши.

Довольный похвалой он широко улыбнулся. Нельзя сказать, что парень обладал такой же заразительной улыбкой, как Родион, но удержаться и не улыбнуться в ответ при такой открытости оказалось невозможным. Я подшёрстком чувствовала, что Родион смотрел на меня. Плевать, пусть видит, как мило и поощрительно я улыбаюсь его другу.

Но перебарщивать тоже нельзя – не нужно давать лишних намёков Александру, не стоит переходить грань. Но тут всё норм, меру я знала.

«Конечно, – тут же съехидничал внутренний голос, – много ты знала, когда тощий парнишка в фотостудии глянул на тебя серыми глазюками, и ты растаяла как масло на блине». Ладно, мысли прочь. Отвела взгляд от Саши и уткнулась в полупустой бокал. Жидкость плещется, одуреть, как интересно! Однако я все ещё чувствовала взгляд Родиона, приклеился он ко мне что ли? И ощущался остро, жгуче.

Так, пора закругляться, Саша чертовски прав. Я уже клевала носом. Но должен был случиться апогей вечеринки.

В обычном ритме все продолжалось недолго. Я уже плохо воспринимала шутки ребят и подумывала, не покинуть ли сборище, когда случился небольшой инцидент. Я говорю небольшой, но перепугалась я тогда знатно.

Не ясно, кого проклинать больше – Марса или стекольный завод. При очередном массовом тосте, Марс так разошёлся, что саданул по бокалам со всей силы, идиот. В итоге стакан Родиона не выдержал напора и раскололся у него прямо в руке.

Джин-тоник, или чем он там напивался, выплеснулся на майку и джинсы. Парень попытался удержать рассыпающийся бокал и зачем-то сжал ладони (что он там, пьяный соображал), чем добился, что осколки засели в его ладонях.

Паника началась, когда вместе с джином на пол закапала кровь. Чёрт побери, меня заколотила такая дрожь! Род поранился, ему срочно нужна помощь!

Из меня в одночасье выветрился хмель. Парень разжал руки и несколько осколков, звякнув об пол, завершили своё путешествие. Лицо Родиона подёрнулось болью. Не думаю, что порезы были глубокими, но всё равно неприятно загнать стекло под кожу.

Кровь! Никогда не подумала бы, что её бывает столько от небольших порезов. Родион раскрыл кровоточащие ладони и удивлённо посмотрел на них. Ну, прямо Иисус со стигматами. Сморщившись, подрагивающими пальцами он вытащил осколок.

От вида крови все замерли. Я боролась с порывом кинуться к нему, но смешалась, не зная, что делать. Разум останавливал мыслью, как Родион воспримет *мою* помощь?

Антон взвизгнул пронзительно, как собака, которую ударили. Напугал так, что я вздрогнула. Захотелось его треснуть – и так нервы были на взводе.

Однако его вой расшевелил остальных. Первым из ступора вышел хозяин квартиры, схватил Родиона за запястья и потащил в коридор.

– В ванную! Срочно промыть! Женя, тащи аптечку и бинты. Влад, перекинь в холодильнике, Марс, убери осколки и вытри кровь. Антон, заткнись и помоги Марсу, – он чётко и быстро раздавал задания. Даже я получила своё: – Майя, за мной!

В первую секунду я опешила и чуть не раскрыла рот. Но Саша проговорил фразу так требовательно и серьёзно, что я подорвалась и рванула следом, плохо представляя, какая помощь от меня требовалась, но готовая оказать любую посильную.

На пороге едва не столкнулась с Владом, который метнулся на кухню. Пропустив его, нагнала парней уже в ванной и нарисовалась на пороге, когда Саша засунул обе ладони Родиона под холодную воду. Я остановилась, приняла аптечку от Жени и перекинь от Влада, пристроила на стиралку, открыла. Пока всё, чем помогла.

– Так, осколков больше не осталось? – Саша тщательно осмотрел ладони Родиона. – Хорошо, – снял с веревки полотенце и сунул под воду. – Майя, аптечку принесли? Ага, вижу.

– Да чего ты вошкаешься, – промычал Родион, садясь на край ванной. – Сам могу, – он бросил на меня быстрый взгляд.

Я чувствовала себя неловко в небольшой комнате, в паре шагов от него, взволнованная и испуганная.

– Угу, конечно, у тебя же всего две ладони порезаны, пяткой будешь бинты мотать? – Саша вложил мне в руки мокрое полотенце, – зажми покрепче правую – кровоточит сильнее. Я займусь левой, – Саша потянулся за другим полотенцем.

Я застыла. Вот и посильная помощь, которую я должна оказать. Дрожь волнения пробежала по спине. Я и не думала, что придётся касаться Родиона. Брось, Майя! Забей и делай! Слышала? Кровь надо остановить, наплюй на «ой не могу, это же Родион» и делай. Если совсем тяжело, представь, что это кто-нибудь другой.

Видя, что я медлю, парень обратился к Саше, но смотрел по-прежнему на меня:

– Это просто царапины, не напрягайтесь.

Меня приковало к полу. Как можно двигаться, когда он *так* смотрит? Невыносимо!

– Майя, не бойся причинить ему боль, зажимай потуже. Разрешаю и рот заткнуть, – Саша сграбастал левую руку Родиона и плотно прижал порез мокрым полотенцем.

Парень поморщился, и гадкие серые глазюки перестали меня парализовать. Воспользовавшись этим, я шагнула вперёд, взяла его кисть и накрыла ладонь полотенцем, успев заметить, что царапины вспухли и раскраснелись, а один всё-таки был глубоким. Я старалась причинять минимум боли, но это оказалось непросто – Родион зажмурился и поджал губы, а потом посмотрел на меня.

Душа ушла в пятки. Я крепче обхватила его запястье, преследуя две цели: потуже зажать рану и не позволить парню почувствовать мою дрожь.

Я стояла так близко, что могла рассмотреть штрихи татуировок на шее и плечах, ощутить аромат хвойного шампуня. Держала его за руку и в довершении всего безобразия касалась коленом. Я согнула и отодвинула ногу, стараясь сделать это настолько непринуждённо, насколько позволяла одревеневшая конечность.

Я не могла дольше выносить этот взгляд и стала смотреть на злосчастное полотенце. Чего надо-то? Чего смотрит?

Спокойно, Майя, не дёргайся, он пьян вдребезги, как и несчастный стакан, соображает поменьше твоего. Просто делай, что велел Саша и моли эту несчастную кровь остановиться! Или пусть подольше бежит? Тогда можно держать Родиона за руку, ощущать тепло кожи.

Чёрт! Почему Саша попросил именно меня? Неужели не нашлось более подходящей кандидатуры? И тут же, перебрав в голове список гостей, поняла, что из адекватных и способных помочь раненому, – я одна. Может, ещё Влад, но он мужчина, а я девушка, значит должна быть заботливой. Этим ли руководствовался Саша? Уф, Майя, ты пьяна, иди домой!

– Так, здесь всё, – Саша кинул полотенце в раковину. – Майя, а ты ещё поддержи, там порез глубже.

Я кивнула. Саша смочил ватку перекисью и прижал к ладони Рода. Тот сморщился.

– Да ладно? Разве больно? Ишь, неженка! Терпи! А то водки плесну. Вот ведь давит на жалость, ещё морду скорчил, смотри-ка! – басист поднял руку, собираясь то ли погладить Родиона по голове, то ли наоборот – отвесить подзатыльник.

Тот отклонился и лёг мне на руку – занесло «слегка». Вы умеете за секунду превращаться из живого человека в каменную статую? А вот я освоила это умение.

– Извини, – пробормотал Родион, возвращаясь в исходное положение.

– Ничего страшного, – ответила я, чувствуя, что выучила ещё и речь роботов.

Интересно, Саша замечал напряжение между мной и Родионом? Или оно неявное?

Я убрала полотенце. Кровь остановилась. Последовав примеру Саши, я взяла ватный диск и смочила его в перекиси. Прикасаться к Родиону в этот раз было привычнее, да и парень, видя, что я задумала, сам протянул ладонь.

В дверях показались любопытные морды: Антон и Марс в первых рядах, позади – Влад и Женя.

– Жив солдат? – проскрежетал Антон.

– Ты уж это, Род, извини, – смешался Марс. – Я переборщил.

– С солью переборщил и борщ пересолил, – заржал барабанщик.

– Да ерунда, не смертельно, – Родион пожал плечами. – А ребята тут встали на уши.

– Так мы тебя сейчас ещё и перевяжем, – воскликнул Саша, лихо разматывая бинт. – Майя, по шею, – возвестил он, но засмеялся под укоризненным взглядом друга. – Ладно, ладно, только ладони.

– Зачем вообще бинтовать? – пожал плечами Антон.

– Чтобы грязь не попала, ты, что, debil? – ответил Марс.

Саша занялся перевязкой, а я от волнения чуть не уронила стерильный бинт на пол. Нервничала я, когда на меня смотрело столько народу.

Но никого не волновало, что я делала с Родионом, и что это делала именно я. Будто, так и должно быть, чтобы пострадавшим занимались хозяин квартиры и единственная девушка на вечеринке. Логично и правильно. Только для меня это таким не было.

Увидев бинт, Родион смиренно протянул ладонь, и я занялась его рукой.

– Ребят, думаю, пати окончена, – сказал Владислав.

– Ага. Настрой уже не тот, – кивнул Саша. – Покалечили вокалиста, понимаешь.

– Хорошо, не гитариста, – Марс сложил руки на груди. – Порежься я – была бы проблема.

– Ну, мы служили бы тебе, пока не зажали жалкие царапины, – хмыкнул Влад. – Вот Род даже не пикнул. Хотя больно, наверное. Брр, стекло под кожу, – его передёрнуло. – Жуть!

– Нормально, ноет несильно, – Родион улыбнулся.

Ребята кивнули – такой улыбке невозможно не поверить. Я видела, как парень морщился, как дрожала рука, но он сносил все мучения в героическом молчании.

– Вот и всё, – мы с Сашей закончили перевязку одновременно – выяснилось, что я управлялась с бинтами ловчее. – До свадьбы заживёт, – подытожил хозяин и хлопнул друга по плечу.

– Спасибо, – тот повертел кистями, словно проверял надежность бинтов и повторил, глядя мне в глаза: – Спасибо.

– Не за что, – ответила я и отвернулась.

Вечеринка закончилась. Мы собрали вещи, попрощались с Сашей и отчалили.

Глава 10. Лихорадка без конца

Всю ночь я провела как в лихорадке – ворочалась, постоянно просыпалась. При настуже распахнутом балконе чувствовала жар, но стоило скинуть одеяло – замерзала. Лежала с открытыми глазами, уставясь в потолок, потом засыпала, будто падала в пропасть.

Стоило чуть задремать – снился Родион. Хотелось списать всё на алкоголь, но едва сон прерывался, как больные мысли возвращались. Как в бреду я балансировала между сумасшествием и здравомыслием. И понимала, что возврата нет.

Утро наступило с огромным усилием. Я встала разбитой. В голове шумело, её словно кто-то сдавливал, а уши кололо холодом, будто там загулял ветер. Аппетит отсутствовал – бухло, нервы и излишняя впечатлительность сыграли свою роль. Даже не знаю, как буду сегодня репать. Нет, смогу, не вопрос. Сегодня, завтра, всегда, в любом состоянии.

Но хотелось просто лечь и ничего не делать.

Может, я умираю? Если сто раз подумать, как умирать без него, с ним и всё такое, смерть на самом деле наступит? Глупо.

Я хотела избавиться от чувств, перестать реагировать на Родиона как полоумная фанатка, не пускать слюни, не смотреть на его тело вождедеющим взглядом, точно никогда в жизни не было секса. Взять магическую стирательную резинку и – ко всем чертям!

Нельзя так себя запускать. Хорошо, что больше наши пути не пересекутся, по крайней мере, скоро – всё-таки риск встретиться случайно или нарочно был. Спасибо общим знакомым.

Я обхватила тяжёлую голову руками. Внутри росло обычное на утро после вечеринки чувство стыда, оно всегда появлялось, даже, когда не за что было стыдиться. Странная физиология.

«Я его забуду, я сильная», – несколько раз повторила я как заклинание, словно от того, как часто и с какой уверенностью я буду его произносить, оно подействует.

Ладно, пойду, приведу в порядок внешний вид, раз с внутренним беда.

* * *

На репетицию я ехала как в прострации, в паршивом состоянии. Бас давил на плечи сильнее обычного, в голове скрежетало. На грудь легла тяжесть, хотелось то ли поплакать, то ли разорвать кого-нибудь. Прямо так: зубами и ногтями. Безумные и больные мысли.

Вот же вляпалась. А ведь всё началось с глупой случайности. Не перепутай я тогда фотостудии, сейчас и горя не знала бы.

Вся наша жизнь – это выбор. От мелкого бытового до крупного. И от наших решений зависит, как разовьётся жизнь. Ветвящаяся сеть множества параллельных реальностей. Мультиселенная или какая-то такая фигня. По-любому где-то существовала Майя, которая не знала Родиона. Я не шибко верила в фатум, но порой случалось так, что, пытаясь отказаться от выбора, я двигалась в противоположном направлении, но судьба/Бог/Вселенная/чёрт знает что, всё равно толкали к нему.

Ладно, раз я еду на репетицию, буду думать о музыке. Она всегда спасала от ненужных мыслей, разговоров и людей вокруг, но сегодня как назло я забыла дома отрешающие от реальности наушники. И по велению злого рока подслушала разговор в автобусе. Обычно мне нет дела, но затронутая тема неожиданно привлекла моё внимание.

Две подружки обсуждали вчерашний концерт, группу «Rebel Spirit» и их вокалиста. Чёртов Родион, информация о нём буквально преследовала меня! Вполне объяснимо: какое-то

время об отгремевшем концерте будут судачить. Но почему я всегда оказывалась в ненужном месте в ненужный час?!

– Я стояла в первом ряду, напротив Родиона, – восторженно рассказывала одна. – Он улыбался мне, а я умирала! Весь концерт на меня смотрел, представляешь!

– Прямо-таки весь? – скептически покосилась подруженица.

– Конечно, не весь, ну, ты что? – покачала та головой. – Иногда на других тоже поглядывал, но потом снова на меня! Не знаю, как сердце не остановилось! Я как можно громче крикнула, что люблю его, он услышал, улыбнулся и ответил «Спасибо, я тебя тоже», подмигнул и показал язык! А в конце я пожала ему руку, он тянулся именно ко мне!

Я заскрежетала зубами, не в силах это выносить. пылая гневом, осмотрела девушку. Роста ниже среднего, смуглая, кареглазая, с прямыми чёрными волосами. В полосатой футболке и бриджах, куртке из грубой кожи, с розовыми шипованными напульсниками на запястьях, через плечо висела сумка в виде кошки. На вид лет пятнадцать.

Спутница не сильно отличалась от подружки смесью рокерского и детского стилей. Но я не могла не признать, что дивчина, на которую, если верить её словам, весь вечер пялился Родион, привлекательная.

Признав это, захотелось её удавить! Восторженно делаясь впечатлениями от концерта, она не замечала моего яростного взгляда. И хорошо, а то я всё равно не смогла бы его объяснить. Невероятным усилием воли я отвернулась и заземлила молнии в пол.

Успокойся, Майя, далось тебе это! Подумаешь, потрогала Родиона, а он улыбался ей. Он улыбается всем без разбора. Даже мне.

Раздражение схлынуло, оставляя горькую печаль, сравнимую по глубине с суицидальной депрессией. Я крепче сжала поручень. Меня даже не воодушевлял факт, что я тоже держала Родиона за руку, и даже больше – общалась по-приятельски, а эти девочки оставались поклонницами. Но у нас было огромное различие: они хотели с ним сблизиться, а я всеми силами сопротивлялась этому.

– Я нашла его «ВКонтакте», отправила запрос, и он добавил!

– Да? А как он там? Я тоже найду.

– Родион Рудин.

– А ты ему писала?

– Конечно, но он пока не ответил. У него полно друзей, наверное, ещё не видел.

– Расскажи, что написала.

Мне было до лампочки, какой поток розовых соплей она отправила Родиону, но вот информация о наличии его в соцсетях меня заинтересовала.

Родион Рудин, говорите? Нужно посмотреть сегодня, да нет, разве удержусь – сейчас же! Рука скользнула в карман.

– Родион такая лапочка, я млею, он невероятный! У него такой магнетизм! – вздыхала черноглазая.

Магнетизм! Что она знает о притяжении, которое не побороть? О страсти, с которой не справиться? О любви, которая точит сердце как червь яблоко? О грусти, которая с каждым проведённым порознь мгновением, усиливается?

Фу, мерзость, Майя, что за сопли в сахаре, ещё начни стихи писать!

Я нашла Родиона сразу – первой строкой в списке однофамильцев. От его аватарки подкашивались ноги, несмотря на то, что парень поставил не высокохудожественное фото, а обычное «селфи». Серый цвет глаз усиливался от центра к краю. Возле зрачка радужка оставалась светлой, серебристой, а к внешней границе градиент менялся так, что окантовка казалась чёрной. Удивительно!

Бровь приподнята, чувственный рот приоткрыт. Кольцо пирсинга в носу почти незаметно из-за отражённого света. Нахмуренный лоб, заострённые скулы и впалые щёки формировали

поразительные рельефы лица. Смоляные волосы, в целом, приглаженные, местами торчали, а кончики завивались вверх. На узких плечах – чёрная куртка из тонкого блестящего материала, закатанные рукава позволяли видеть фрагменты татуировок.

В профайле Родиона обнаружилось немного фотографий, но от каждой замирало сердце. Была даже пара снимков с той самой фотосессии.

Мне снова взгрустнулось. Казалось, чем больше я отказывалась думать о парне, тем сильнее Вселенная подталкивала меня к нему. Я упиралась, но она, зараза, была упрямее и могущественнее. Скажи мне кто утром, что через пару часов я буду пускать слюни на фотки Родиона «ВКонтакте», я этого человека больно треснула бы, но вот она я: пялилась на его смазливую физиономию и млела.

Добавлять в друзья, естественно, не стала. Приближалась моя остановка, а я ещё не все фотки пролистала. Погасила экран, не закрывая страницу – досмотрю погодя.

Я покинула автобус с огромным облегчением – больше не нужно было слушать «какой Родион сексуальный, классный, офигенный и так далее». Я прекрасно знала это сама.

Существо, переступившее порог репетиционной, смотрело на всех насуплено. Репали мы в арендуемом по времени гараже, не сказать, что с отличным оборудованием, но за неимением возможности тренироваться в более презентабельном месте, сгодилось и это. Музыканта делает умение играть, а не аппаратура. Хотя признаю, мастерство колоритнее проявляется на сногшибательном инструменте.

– Привет, – я прошла в маленькое душное помещение, где из мебели кроме музыкального оборудования находилась доисторическая вешалка для одежды, полураздолбанная тумбочка и низкий, продавленный диван с огромной дырой, в которой просвечивал наполнитель. Куда, собственно говоря, я и плюхнулась, предварительно скинув кеды и прислонив бас в угол. Вытащила содовый и положила рядом.

Синтезатор на подставку устанавливал высокий, плотного телосложения парень с крашенными чёрными волосами длиннее подбородка. Злоупотребляя гелем для укладки, он сделал «эффект мокрых волос» своей фишкой. Звали его Тимофеем, или просто Тимом. Он любил смещение стилей и часто приходил на репы в классических пиджаках, потёртых джинсах и пыльных кедах, но на нём это смотрелось интересно. Тим носил квадратной формы очки и густые заросли усов и бороды. Он отличался спокойным покладистым характером, говорил мало, но по делу, имел отменное чувство юмора.

У меня есть сравнительная таблица соотношений музыкальных инструментов и характеров людей, их выбравших. Гитаристы в большинстве своём чокнутые, безбашенные, озабоченные, легко уходящие в отрыв люди, и чем профессиональнее играли, тем сильнее у них были повернуты мозги. Бесконечно обаятельные и харизматичные вокалисты любили покрасоваться. Барабанщики – себе на уме, порой капризные и ворчливые, порой добрейшей души люди, но вспыхивающие как порох. Периодически тоже крейзи, потому как меланхолик не станет молотить по барабаном как псих. А клавишники часто скромные, спокойные, загадочные и многозначительно молчащие флегматики.

Отсюда напрашивался логичный вывод: инструмент отлично подходил Тиму. Или Тим инструменту. В любом случае, взаимность была. Одетый в чёрное, как гот, задумчивый, серьёзный клавишник отлично владел мелодичным агрегатом и выдавал такие одухотворённые диссонансы, что душу рвало на части, говорю без лукавства. В общем, дай ему волю играть solo – заставил бы публику рыдать во время выступления от переизбытка прекрасного в крови, а в качестве отходняка – ещё полчаса после. Мастер своего дела.

Как впрочем, и наш гитарист. Человек, абсолютно теряющий рассудок, когда дело касалось творчества. Преданный музе, одержимый до нельзя, музыкальный маньяк. Если верить Огнеславу, или просто Славе, то играл он на электрогитаре по шестнадцать часов в сутки, то есть всё прочее время, пока не спал. Но я не советовала бы верить.

Имя подходило парню безупречно – настоящий огонь и настойчивое желание прославиться. По внешним факторам – красавчик хоть куда, стройный, худой, синеглазый, с копной огненно-рыжих волос. Активный, позитивный, настойчивый, живчик до тошноты. Иногда я всерьёз уставала от его гиперактивности. Постоянной девушки у него не было, зато поклонниц – миллиона два. И когда только успевал пашни крутить, если играл столько часов в сутки? Делайте выводы. Но не в укор ему будет сказано – играл отменно, даже виртуозно – отточенные, безукоризненные соляги, различные техники игры – есть чем гордиться. Что в принципе, Слава и делал.

Парень, гремевший всем на свете, пока устанавливал тарелки и кардан на ударку – это наш барабанщик. Тот самый, который не знал нот. Но это никак не уменьшало способностей Илья создавать ритмы, согласующиеся с биением сердец слушателей. С техникой и скоростью у него было всё круто. Тот ещё мастак. Сам крупный, полный, но ни капли не неуклюжий. Болтливый и общительный, Илья был старше Влада на десять лет, но не комплексовал из-за того, что связался с малолетками. Он уже имел опыт выступления на сцене и стал нашим гуру в этом вопросе. В целом, симпатичный: тёмно-русые волнистые волосы ниже плеч, усы и борода, серые глаза. Правда, лишний подбородок, полные щеки и рюкзак вместо живота портили впечатление. Но я ценила его за душевные качества, не заикливаясь на физических недостатках.

Каждого члена группы я любила и уважала как музыканта и человека, искренне радуясь, как высокопарно это не звучало бы, что они есть в моей жизни. Со Славой мы дружили, несмотря на то, что периодически (пару раз в день) люто друг друга выбешивали. С Тимом я общалась меньше, но обожала его музыкальный вкус, мы часто обменивались найденными командами. Мне нравился его стиль в одежде и да, он знал, как тронуть моё сердце. Музыкай, господа, музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.